

От автора абсолютного
супербестселлера «ДО ВСТРЕЧИ С ТОБОЙ»,
переведенного более чем на 30 языков!

Ночная музыка

ДЖОДЖО МОЙЕС

Трогательная и честная история,
от которой невозможно оторваться.

Cosmo.ru

Annotation

Старый обветшавший особняк расположен на берегу озера в живописном местечке недалеко от Лондона. И вокруг этого особняка, который местные жители называют Испанским домом, разгораются страсти.

Для Изабеллы Деланси, молодой вдовы с двумя детьми, – это убежище от бурь и невзгод жизни, обрушившихся на нее после неожиданной смерти горячо любимого мужа. Для Мэтта Маккарти, который занимается ремонтом дома и одновременно пытается, безумно завышая свои расценки, выжить Изабеллу, – это шанс получить Испанский дом в собственность. Для Николаса Трента, застройщика, – это возможность создать на месте старого дома роскошный поселок для элиты. А Байрон Ферт пытается хотя бы временно обрести крышу над головой. Желания героев не совпадают. Как далеко они готовы зайти, чтобы добиться своего?..

Впервые на русском языке!

Джоджо Мойес

Ночная музыка

* * *

Посвящается Чарльзу и каждому, когда-либо впускавшему в свой дом строителей

И дракон сожрал всех нас: с этими непристойно огромными домами, с этим ненасытным желанием обладать, обладать всегда и несмотря ни на что, с этой потребностью стать собственником или, по крайней мере, чьей-то собственностью.

Д. Г. Лоуренс

Мы никогда не ощущали своей принадлежности к Испанскому дому. Хотя чисто формально, полагаю, мы были владельцами этого дома, но право владения подразумевает некий уровень контроля, однако ни у кого из тех, кто знал нас или наш дом, не возникало и мысли, что мы можем хоть как-то контролировать происходившее там.

И несмотря на то что было написано в бумагах, мы никогда не чувствовали, что дом по праву принадлежит нам. С самого начала он казался слишком уж на виду. Мы буквально кожей ощущали устремленные к нему мечты других людей, а еще волны зависти, недоверия, желания, проникающие сквозь стены. История дома не была нашей историей. Не было ничего – даже наших грез, – связывающего нас с ним.

Когда я была совсем маленькой, то думала, что дом – это просто дом. Место, где мы ели, играли, ссорились и спали, – словом, четыре стены, в которых мы пытались обучиться такому непростому делу, как жизнь. И я особо не задумывалась.

Уже гораздо позже я поняла, что дом – это нечто гораздо большее, что он может быть предметом чьих-то желаний, отражением того, какими эти люди себя видят и какими они хотели бы себя видеть, что он может толкать их на самые неблагоприятные и постыдные поступки. Я поняла, что дом – просто кирпичи, известковый раствор, дерево, возможно, клочок земли – может стать наваждением.

Когда я покину родной дом, то буду снимать жилье.

Лора Маккарти закрыла за собой заднюю дверь, переступила через спящую собаку, мирно пускавшую слюни на гравий, и энергичной походкой направилась через сад в сторону калитки. С трудом удерживая одной рукой нагруженный поднос, она открыла калитку и, проворно проскользнув через проем, углубилась в лес, а затем спустилась к ручью, который, как всегда к концу лета, снова пересох.

Раз, два – и она уже прошла по мосткам, которые Мэтт год назад перекинул через ручей. Правда, скоро пойдут дожди, а значит дощечки снова станут предательски скользкими. В прошлом году она несколько раз падала с них, а однажды все содержимое подноса оказалось в воде, настоящее пиршество для невидимых обитателей ручья. Перебравшись на другой берег, она, не обращая внимания на налипшую на подметки жидкую грязь, направилась в сторону лужайки.

Еще теплое вечернее солнце окутывало долину тонкой золотой пылью. Где-то впереди мелькнул дрозд, пронзительно кричали скворцы, темным облаком взлетевшие в небо и снова опустившиеся на деревья в соседней роще. Лора поправила крышку на одной из кастрюлек, откуда исходил такой густой и вкусный томатный дух, что женщина невольно ускорила шаг и поспешила к дому.

Дом не всегда был столь ветхим, столь непростительно мрачным. Отец Мэтта рассказывал ему об охотниках, собиравшихся на лужайках, о летних вечерах, когда из белых шатров плыла музыка и элегантно одетые пары, примостившись на каменной балюстраде, пили пунш, а их смех тонул в густой листве. Мэтт еще помнил те времена, когда в конюшнях били копытом лоснящиеся лошади, причем некоторые из них содержались исключительно для увеселения приезжавших на уик-энды гостей, а на берегу озера стоял эллинг, специально для любителей гребного спорта. Когда-то Мэтт часто рассказывал ей эти истории, будто желая поставить знак равенства между тамошней жизнью и той, к которой она привыкла в родительском доме, и обещая в будущем компенсировать ей все, что она оставила позади. Возможно, таким образом он хотел нарисовать их будущее. Ей нравились эти истории. Она абсолютно точно знала, как будет выглядеть дом, если придет ее час. Не было окна, которого бы она мысленно не задрапировала, или кусочка пола, которого бы она не покрыла новым ковром. И она твердо знала, какой именно вид на озеро открывается из каждого окна на восточной стороне дома.

Лора остановилась у боковой двери и чисто по привычке полезла в карман за ключом. В свое время дверь постоянно запиралась, но сейчас нужда в этом отпала, ведь все отлично знали: в доме было хоть шаром покати. Дом покосился, а краска облупилась, точно стыдясь говорить о славном прошлом стен, которые она некогда покрывала. Обшивка отвалилась, ее заменили разномастными досками. Гравия на дорожке почти не осталось, а сами дорожки заросли крапивой, немилосердно обжигавшей икры.

– Мистер Поттисворт, это я... Лора. – Она прислушалась.

Сверху донеслось хриплое ворчание. Лора извещала старика о своем приходе исключительно для подстраховки. Притолока до сих пор хранила следы пороха как свидетельство ее забывчивости. К счастью, как говаривал ее муж, старый негодяй был подслеповат.

– Я принесла ваш обед.

Дождавшись ответного ворчания, она поднялась по скрипучей лестнице.

Будучи в самом расцвете сил, она вряд ли нуждалась в передышке после нескольких лестничных пролетов и все же на секунду остановилась перед дверью хозяйской спальни. Но затем, набравшись смелости, со вздохом прикоснулась к дверной ручке.

Окно было приоткрыто, однако уже с порога ей в нос ударило отвратительное амбре немытого старческого тела, смешанное с затхлыми запахами пыльной мебели, камфары и засохшего пчелиного воска. К изголовью кровати было прислонено старое ружье, на маленьком столике стоял цветной телевизор, который они купили ему два года назад. И все же, несмотря на царящее здесь многолетнее запустение, элегантные пропорции и изящные эркерные окна придавали комнате удивительное величие. Хотя посетителям, как правило, редко удавалось оценить ее эстетические достоинства.

– Ты опоздала, – произнес человек, лежавший на резной кровати красного дерева.

– Всего на несколько минут, – с напускной беззаботностью отозвалась Лора. Она поставила поднос на прикроватный столик и выпрямилась. – Мне не сразу удалось освободиться. Мама звонила.

– И чего ей было нужно? Разве ты не сказала ей, что я тут один и умираю с голода?

Лора ответила ему слабой улыбкой:

– Мистер Поттисворт, хотите верьте, хотите нет, но, кроме вас, у нас есть и другие темы для разговоров.

– Спорим, о Мэтте вы наверняка говорите. Типа что там еще у него на уме. Она небось позвонила сообщить тебе, что ты совершила мезальянс, разве нет?

Лора повернулась к своему подносу. Если ее спина немного и напряглась, то мистер Поттисворт вряд ли это заметил.

– Я замужем уже восемнадцать лет, – сказала она. – И не думаю, что мое замужество – это горячие новости.

С кровати донеслось громкое сопение.

– А что там у тебя такое? Спорим, все холодное.

– Куриная запеканка с картофелем. И ничуть не холодная. Она была под крышкой.

– Спорим, она уже успела остыть. Ланч определенно был холодным.

– На ланч был салат.

Из-под одеяла показалась голова в пигментных пятнах, покрытая редкими седыми волосами. На Лору уставились два прищуренных змеиных глаза.

– И зачем тебе такие обтягивающие штаны? Собираешься продемонстрировать мне свои прелести?

– Это джинсы. Сейчас все так ходят.

– Ты хочешь меня завести, вот и все дела. Хочешь, чтобы я сгорал от желания, хочешь прикончить меня этими своими женскими штучками. Черная вдова, вот как называют женщин вроде тебя. Уж кто-кто, а я точно знаю.

Она пропустила его реплику мимо ушей.

– Я принесла вам немного коричневого соуса для картофеля. Положить на край тарелки?

– Я вижу все твои выпуклости.

– Или лучше тертого сыра?

– Через твою майку. Прекрасно вижу. Ты что, решила меня соблазнить?

– Мистер Поттисворт, если вы не прекратите безобразничать, я больше не буду приносить вам обед. Никогда. И перестаньте глазеть на мои... выпуклости. Сейчас же.

– Тогда не смей надевать просвечивающие бюстгалтеры. Вот в мое время уважающие себя женщины носили сорочки. Да-да, сорочки из тонкого хлопка. – Он приподнялся на подушках, артритные руки задвигались в такт воспоминаниям. – Правда, какое-никакое, а удовольствие я тебе обещаю.

Лора Маккарти повернулась спиной к старику и сосчитала до десяти. Она исподтишка осмотрела футболку, пытаясь понять, действительно ли из-под нее так хорошо виден лифчик. На прошлой неделе старик сообщил ей, что у него ухудшается зрение.

– Ты прислала мне ланч с этим своим мальчишкой. Так из него словечка было не вытянуть.

Старик принялся за еду. И комната сразу наполнилась чмокающими звуками, словно где-то рядом засорилась канализация.

– Ну, подростки не слишком-то разговорчивы.

– Грубиян. Вот он кто. Ты должна ему сказать.

– Непременно, – ответила она.

Она кружила по комнате, составляя стаканы и кружки на пустой поднос.

– Днем мне бывает так одиноко. Разве что Байрон приходит после ланча, но он только и умеет, что трендеть о своих треклятых живых изгородях и кроликах.

– Я ведь уже говорила, что к вам могут приходиться из социальной службы. Ну, прибирались бы тут чуть-чуть, болтали бы с вами. Хоть каждый день, если захотите.

– Социальная служба, – скривился он, тонкая струйка соуса потекла у него по подбородку. – Не хочу, чтобы эти прохиндеи совали нос в мои дела.

– Как вам будет угодно.

– Тебе не понять, я ведь один как перст, а это так тяжело... – завел он свою шарманку, и Лора стала привычно думать о своем.

Она наизусть знала весь длинный перечень его невзгод: никто не понимает, как невыносимо жить без семьи, быть прикованным к постели и совершенно беспомощным, отданным на милость чужих людей... Она столько раз слышала вариации на данную тему, что могла продолжить за него сию пространную речь.

– Ведь у такого несчастного старика, как я, никого нет, только ты да Мэтт. И некому передать все свое, лично мне давно не нужное добро... Ты даже не представляешь, как тяжело быть таким одиноким. – Он перешел на шепот и, казалось, вот-вот расплчется.

Она сразу смягчилась:

– Я уже говорила вам: вы не одиноки. По крайней мере, пока мы живем по соседству.

– Вы не останетесь обделенными, когда меня не станет. Ты ведь знаешь, да? Та мебель, что в амбаре, после моей смерти будет вашей.

– Мистер Поттисворт, вы не должны так говорить.

– И это еще не все, ведь я человек слова. И я не забуду, что вы делали для меня все эти годы. – Он покосился на поднос. – Это что, мой рисовый пудинг?

– Нет, это чудесная яблочная шарлотка.

Старик положил нож и вилку:

– Но сегодня же вторник.

– Ну, я решила сделать шарлотку. У меня закончился рис для пудинга, а съездить в супермаркет так и не удалось.

– Не люблю шарлотку.

– Нет любите.

– Спорим, ты здорово порезвилась в моем яблоневоm саду. – (Лора сделала глубокий вдох.) – Ты только прикидываешься такой славной. И вообще, постоянно врешь, чтобы заполнить то, чего действительно хочешь.

– Я купила яблоки в супермаркете, – процедила Лора сквозь стиснутые зубы.

– Ты же сама говорила, что тебе было туда не выбраться.

– Я купила их три дня назад.

– Тогда ума не приложу, почему ты не могла при этом купить немного риса для пудинга.

Представляю, что думает о тебе твой муженек. Похоже, ты ублажаешь его совсем другим способом. – Он похотливо ухмыльнулся мокрыми губами, и она на секунду увидела его челюсти, впившиеся в куриную запеканку.

К приходу мужа Лора уже успела закончить с мытьем посуды и теперь стояла за гладильной доской, яростно отпаривая и разглаживая воротнички и манжеты его рубашек.

– Все в порядке, любимая? – Мэтт Маккарти наклонился поцеловать жену и сразу заметил ее пылающие щеки, упрямо выдвинутый вперед подбородок.

– Нет, ничего, черт возьми, не в порядке! С меня довольно.

Он снял рабочую куртку с отвисшими от инструментов карманами и небрежно бросил на спинку стула. Мэтт очень устал, и мысль о том, что ему предстоит утихомиривать Лору, приводила его в крайнее раздражение.

– Мистер Пи пялился на ее сиськи, – ухмыльнулся Энтони.

Сын сидел, положив ноги на кофейный столик, и отец, проходя мимо, небрежно спихнул их рукой.

– Он что, и вправду это делал? – напрягся Мэтт. – Придется сходить к нему, сказать пару ласковых...

Лора в сердцах шваркнула утюгом:

– Да сядь ты, не мельтеши, ради всего святого! Ты же его знаешь. В любом случае дело в другом. Он гоняет меня туда-сюда, словно свою личную прислугу. Каждый божий день. И на сей раз я сыта по горло. Реально сыта.

Поняв, что старик от нее не отстанет, она вернулась домой за консервированным рисовым пудингом и, чертыхаясь про себя, снова прошла через лес к большому дому с миской, накрытой чайным полотенцем.

– Холодный, – заявил он, потрогав пудинг пальцем.

– А вот и нет. Я разогрела его буквально десять минут назад.

– Холодный.

– Ну, мистер Поттисворт, если приходится носить еду из другого дома, то странно рассчитывать, что она будет с пылу с жару.

Он неодобрительно поджал губы с брюзгливой миной:

– Все, ничего не нужно. Нет аппетита. – Он сверкнул на Лору глазами. От его внимания не ускользнуло, что у нее дергается щека. А она тем временем на секунду задалась вопросом, можно ли убить человека кухонным подносом и десертной ложкой. – Оставь пудинг здесь. Возможно, я съем его позже. – Он скрестил на груди тощие руки. – Когда не будет другого выхода.

– Мама говорит, что собирается позвонить в социальную службу, – сказал Энтони. – Думает, они с ним справятся.

У Мэтта, который уже успел устроиться на диване рядом с сыном, в голове раздался

сигнал тревоги.

– Не глупи. Они сразу определяют его в богадельню.

– Ну и что с того? Пусть кто-нибудь другой с ним возится, проверяет его несуществующие пролежни, стирает ему простыни и кормит с ложечки по два раза в день. Очень хорошо!

Мэтт, почувствовав внезапный прилив сил, сразу вскочил на ноги:

– У него ведь нет денег. Ни хрена. Они заставят его отписать им дом, чтобы оплатить их услуги, разве нет? Женщина, включи голову!

Лора резко развернулась к нему. Она была красивой женщиной, стройной и в свои почти сорок весьма проворной, однако сейчас ее лицо, перекошенное и покрасневшее, стало точь-в-точь как у обиженного ребенка.

– А мне плевать! Повторяю, Мэтт, я сыта по горло.

Он быстро шагнул к ней и обнял:

– Да ладно тебе, крошка. Не сегодня завтра он окочурится.

– Девять лет, Мэтт, – уткнувшись ему в грудь, сказала она. – Девять лет я была у него на побегушках. Когда мы здесь поселились, ты утверждал, что он не протянет и года.

– И подумай обо всех этих чудесных акрах, об огороженном саде, о конюшне. Подумай о прекрасной столовой, которую ты так хочешь. Подумай о нас, счастливой семье, на пороге этого дома. – Он дал волю фантазии, пытаясь разбудить ее воображение. – Ну послушай же, старый греховодник прикован к постели. Тает не по дням, а по часам. Он точно долго не протянет, разве нет? А кто у него еще есть, кроме нас? – Мэтт чмокнул жену в макушку. – Кредит мы получим, и я уже попросил Свена сделать чертежи перепланировки. Если хочешь, я тебе потом покажу.

– Ну вот, мама. Раз такое дело, можешь демонстрировать ему изредка свои сиськи. Убудет от тебя, что ли? – хихикнул Энтони, но сразу заткнулся, получив по уху только что выстиранной футболкой.

– Ну еще немножечко, – вкрадчиво произнес Мэтт. – Да ладно тебе, любимая. Походи к нему еще чуток, а?

Она явно смягчилась, и он понял, что взял над ней верх.

Он сжал ее талию, его пальцы словно намекали, что позже вечером ее ждет некоторая компенсация, уже более интимного характера. Он почувствовал ответное пожатие ее руки и горько пожалел о том, что, перед тем как ехать домой, сделал заход налево, к барменше из «Длинного свистка». Что б ты скорее сдох, старый прохвост! – мысленно пожелал он мистеру Поттисворту. А то мне долго не продержаться.

А в большом доме, неподалеку от жилища Маккарти, в хозяйской спальне, старик, фыркая от смеха, смотрел комедийную программу. Но когда пошли титры, он взглянул на часы и швырнул газету в изножье кровати.

За окном ухала сова, а вдалеке тявкала лисица, должно быть, охраняла нору. Что люди, что животные – все они испокон веков стремятся за столбить свою территорию, безучастно подумал он. Лора Маккарти, с этими ее обедами два раза в день, возней с чистым бельем, ну и все прочее, ничуть не лучше той самой лисицы. Обе так или иначе метят свой клочок земли.

Ему вдруг страшно захотелось шоколаду. С неожиданной прытью, которая явно удивила бы его соседей, он вылез из кровати и прошлепал через всю комнату к буфету,

где прятал лакомства – конфеты и разные вкусности. Он специально давал на них деньги Байрону, и тот от случая к случаю привозил их из магазина. Открыв дверцы, старик долго шарил за книгами и папками, пока не нащупал гладкие целлофановые обертки. Его цепкие пальцы ухватились за что-то, похожее на «КитКэт»; он уже предвкушал вкус тающего шоколада во рту и раздумывал, стоит ли ради такого дела надеть вставные челюсти.

Но сперва он закрыл дверцы буфета. Лоре ни к чему это знать, подумал он. Пусть лучше считает его беспомощным инвалидом. Женщинам ее типа просто необходимо чувствовать, что в них нуждаются. С довольной ухмылкой он вспомнил, как покраснели кончики ее ушей, когда он обратил внимание на ее джинсы в обтяжку. Ее было крайне легко завести. Самый приятный, можно сказать, кульминационный момент его унылого дня. Завтра, пожалуй, стоит пройтись по поводу ее верховой езды, типа она делает это исключительно ради острых ощущений, ведь подобные замечания всегда задевали ее за живое.

Продолжая глупо улыбаться, старик пошел обратно и неожиданно услышал музыкальную заставку к другому своему любимому шоу. Он поднял голову. И, увлекшись музыкой, не заметил миску с застывшим рисовым пудингом на полу, именно в том месте, куда сам ее и поставил. Наступил старой костлявой пяткой на пудинг, поскользнулся и грохнулся оземь.

По крайней мере, примерно так коронер, по крупинкам реконструировавший последние часы жизни Сэмюеля Поттисворта, изложил дело в суде. Должно быть, его голова стукнулась об пол с таким грохотом, что шум этот можно было бы слышать на первом этаже. Но как справедливо заметила миссис Маккарти, лес поглощает все звуки, а потому многие вещи остаются незамеченными. Ведь в подобном месте может произойти что угодно.

Скажи «пожалуйста».

Тереза сверкнула на него глазами. Мэтт напрягся. И поймал ее взгляд. Размазанная по щекам тушь придавала ей неряшливый вид. Хотя опять же, Тереза всегда выглядела немного неряшливо, даже в своих лучших нарядах. И это в том числе ему тоже нравилось.

– Скажи «пожалуйста».

Она зажмурилась, у нее в душе явно шла внутренняя борьба.

– Мэтт...

– Скажи. «Пожалуйста». – Он приподнялся на локтях, стараясь не прикасаться к ней. – Ну давай не стесняйся, – спокойно произнес он. – Тебе придется попросить.

– Мэтт, я просто...

– «Пожалуйста».

Тереза вильнула бедрами в отчаянной попытке прижаться к нему, но он резко отодвинулся.

– Ну давай говори.

– О, ты... – Тереза задохнулась, когда он, наклонившись, провел губами по ее шее и дальше по ключицам, его тело, нависшее над ней, словно искушало.

Ее было до смешного легко завести и гораздо легче, чем всех прочих, удерживать на пике страсти. Она закрыла глаза и застонала. Он чувствовал вкус пота, холодной пленкой покрывавшего ее тело. И она оставалась на таком взводе уже почти сорок пять минут.

– Мэтт...

– Скажи это. – Его губы щекотали ей ухо, он буквально замурлыкал, почувствовав аромат ее надушенных волос и мускусный запах любви. Ему хотелось перестать сдерживаться и плыть по волнам страсти. Но еще сладостнее было держать ее под контролем. – Ну скажи.

Тереза приподняла веки, и он понял, что она сдалась. Ее губы раскрылись.

– Пожалуйста, – прошептала она, а затем обхватила его руками, отбросив приличия. – О-о... Пожалуйста. Пожалуйста. Пожалуйста.

Сорок пять минут. Мэтт взглянул на наручные часы. А затем одним гибким движением соскочил с кровати:

– Господи помилуй, неужто прошло столько времени? – Он обшаривал глазами пол в поисках джинсов. – Извини, крошка, но мне сейчас надо кое-где быть.

Волосы упали Терезе на лицо.

– Что? Ты не можешь уйти!

– Где мои ботинки? Могу поклясться, что оставил их тут.

Она ошеломленно уставилась на него, ее кожа по-прежнему пылала.

– Мэтт! Ты не можешь меня вот так оставить.

– А! Вон они где. – Мэтт натянул рабочие ботинки, затем потрепал ее по щеке. – Надо бежать. Ты даже не представляешь, насколько это будет неприлично с моей стороны опоздать.

– Опоздать? Опоздать куда? Мэтт!

Он мог растянуть удовольствие еще на две минуты. Хотя мало кто из мужчин был способен это понять. Но иногда осознание, что ты можешь чем-то обладать, приятнее самого обладания. Мэтт, продолжая ухмыляться, легко сбежал по лестнице. И всю дорогу до входной

двери ему в спину сыпались проклятия.

Панихида по Сэмюелю Фредерику Поттисворту проходила в деревенской церкви в полдень, небо было затянуто грозowymi тучами настолько плотно, что казалось, будто уже вечер. Сэмюель был последним из рода Поттисвортов. И поэтому, а возможно, потому, что покойный был не самым приятным человеком, народу собралось немного. Семья Маккарти, врач мистера Поттисворта, патронажный работник и стряпчий расположились перед алтарем, слегка рассредоточившись, чтобы длинная деревянная скамья не казалась полупустой.

А через несколько рядов от них, чтобы соблюсти дистанцию, Байрон Ферт, с неподвижно лежащими у его ног собаками, демонстративно игнорировал пристальные взгляды и бормотание сидевших впереди старух. Такое ему было не впервой. Он привык к остракизму общества, с чем сталкивался всякий раз, когда появлялся в деревне, однако со временем научился встречать косые взгляды и перешептывания с каменным лицом. А кроме того, ему сейчас и без того было о чем подумать. Перед выходом из дома он подслушал телефонный разговор своей сестры с ее бойфрендом, и у него возникло стойкое ощущение, будто они с Лили собираются съезжать. В одиночку ему было явно не потянуть арендной платы за дом, а в деревне вряд ли найдется много желающих разделить с ним и его собаками кров. Более того, после смерти старика, похоже, он, Байрон, остался без работы. До сих пор поместье обеспечивало ему постоянный заработок, но все хорошее когда-нибудь кончается. Он заглянул в газету проверить, не найдется ли случайно какой работы.

Ну а по зову сердца в церковь пришли очень немногие. Миссис Линнет, местная уборщица, взяла себе за правило никогда не пропускать хорошие похороны. Она могла расположить их по рангу, в зависимости от уровня присутствующих, выбора гимнов, качества пирожков с мясом и ветчины, начиная с 1955 года. Она даже пригласила с собой двух женщин, у которых убиралась; и хотя они, собственно, не были знакомы с мистером Поттисвортом, им должна понравиться сама церемония, сказала она викарию. Тем более что Маккарти наверняка выставят хорошее угощение, поскольку миссис Маккарти знает толк в этом деле. Женщины ее типа умеют достойно принять гостей.

Ну и наконец, на задней скамье, делая вид, будто читают сборник церковных гимнов, бок о бок сидели Асад и Генри.

– Нет, ты только посмотри на них! Ишь вырядились и уселись на переднюю скамью, точно они члены семьи, – едва слышно произнес Генри.

– Так им легче демонстрировать скорбь, – ответил Асад, которому из-за высокого роста приходилось сгибаться в три погибели над книгой. – Что ж, она выглядит просто великолепно. И у нее вроде бы новое пальто.

И действительно, красное шерстяное пальто в стиле милитари несколько оживляло мрачные пределы маленькой церкви.

– Они, должно быть, рассчитывают получить кое-какие денежки. Вчера Лора сказала мне, что Мэтт внес первый взнос за одну из этих навороченных тачек с полным приводом.

– Что ж, она заслужила. Быть все эти годы на побегушках у этого негодяя! Я бы не выдержал! – покачал головой Асад.

У Асада было печальное лицо с тонкими чертами, выдававшими его сомалийское происхождение. По словам Генри, его друг при любых обстоятельствах держался

с редкостным достоинством. Даже одетый в пижаму с паровозиком Томасом.

– Какого именно негодяя ты имеешь в виду? – пробормотал Генри.

И вот гимн закончился. Старые книжки гимнов с глухим стуком шлепнулись на деревянные подставки, а паства, поерзав ягодницами по скамье, приготовилась к заключительной части службы.

– Сэмюэль Поттисворт, – произнес викарий, – был... человеком... до конца остававшимся верным себе. – Викарий, похоже, слегка запинаясь. – Он был одним из старейших членов нашего прихода.

– Маккарти давным-давно положил глаз на дом, – тихо сказал Генри и, скривившись, добавил: – Ты только посмотри на него! Сияет как блин масленый. – (Асад бросил на Генри вопросительный взгляд и перевел глаза на сидевшую впереди пару.) – А ты в курсе, что буквально за полчаса до своего появления в церкви он был у той самой Терезы из паба? Перед закрытием Тед Гарнер заходил в магазин за фруктовым мармеладом. Говорил, будто видел его минивэн перед ее домом.

– Может, у нее была для него какая-никакая работа? – Асад явно не желал терять веру в людей.

– А я вот слыхал, что он частенько к ней навещается, – надев очки для чтения, заявил Генри.

– Может, ей всего-навсего надо было прочистить трубы.

– Что ж, он известный мастак прочищать чужие дырки.

И они дружно захихикали, но, когда викарий, оторвавшись от своих записей, укоризненно посмотрел на них, сразу же постарались принять приличествующий ситуации смиренный вид. Вас бы на мое место, словно говорил взгляд священника.

– Но мы вовсе не из тех, кто разносит сплетни, – выпрямившись, произнес Асад.

– Нет. Именно так я и сказал миссис Линнет, когда она зашла за таблетками от головной боли. Старушка приходит за этим добром раз в три дня. Нет уж, увольте, никаких сплетен в моем магазине.

Несмотря на скорбную церемонию, Мэтту Маккарти было трудно сохранять печальное выражение лица. Ему хотелось улыбаться. Ему хотелось петь. Еще утром один из кровельщиков дважды поинтересовался, чего это он, черт возьми, так развеселился.

«В лотерею, что ли, выиграл?» – спросил он.

«Типа того», – ответил Мэтт и со свернутыми в трубочку планами в руках ушел в очередной раз поглядеть на фасад дома.

Все вышло как нельзя лучше. Лора наконец-то перестала тянуть лямку на старого козла, причем надо признаться, в тот вечер Мэтт не на шутку беспокоился. Если бы она отказалась носить еду мистеру Поттисворту, ему, Мэтту, точно была бы крышка. И действительно, получилось очень удачно. Когда Лора ему позвонила, ее голос прерывался и дрожал от испуга. К счастью, он успел оказаться рядом с ней к моменту прибытия доктора, который и констатировал смерть мистера Поттисворта. Лора прильнула к мужу, искренне считая, что тот захотел поддержать ее в час испытаний, хотя, по правде говоря, в глубине души Мэтт – в чем он бы никогда в жизни не признался – просто не мог до конца поверить, что старый хрыч наконец отбросил коньки.

Служба закончилась. Скорбящие, сбившись в небольшую кучку, вышли в стусившиеся сумерки. Все явно прикидывали в уме, что же будет дальше. Было ясно как божий день,

что никто не собирается проводить старика в последний путь на кладбище.

– Я считаю очень благородным со стороны вашей семьи устроить похороны мистера Поттисворта. – Миссис Линнет дотронулась сухонькой лапкой до руки Мэтта.

– Это самое малое, что мы могли сделать, – ответил Мэтт. – Мистер Пи был нам почти как родной. Особенно для моей жены. Уверен, она будет по нему скучать.

– Да уж, мало кто из людей в преклонном возрасте может рассчитывать на подобное великодушие со стороны соседей, – вздохнула миссис Линнет.

– Интересно, а чем это он заслужил такое отношение? Похоже, Поттисворт действительно был везунчиком.

К разговору присоединился Асад Сулейман, один из немногих мужчин в округе, рядом с которым Мэтт чувствовал себя коротышкой. Помимо всего прочего. При этих словах Мэтт мгновенно встрепенулся, но лицо Асада, как всегда, оставалось непроницаемым.

– Ну, вы же знаете Лору, – сказал он. – Ее семья любит, чтобы все делалось как положено. Для Лоры очень важно соблюсти этикет.

– Мы вот тут гадаем... мистер Маккарти... собираетесь ли вы сегодня, так сказать, помянуть мистера Поттисворта... – Миссис Линнет бросила на Мэтта пытливый взгляд из-под полей фетровой шляпы, две другие старушки стояли с выжидающим видом, прижимая к груди сумочки.

– Э-э... Помянуть?.. Конечно-конечно. Приходите, дорогие дамы. Мы ведь хотим достойно помянуть мистера Пи. А как насчет вас, мистер Сулейман? Вам надо возвращаться в магазин, да?

– Нет. – Рядом возник Генри Росс. – По средам мы закрываемся раньше обычного. Мистер Маккарти, вы будто специально для нас все спланировали. Мы с удовольствием... э-э-э... помянем.

– Мы целиком и полностью в вашем распоряжении, – просиял Асад.

Но никто и ничто не могло омрачить Мэтту сей знаменательный день.

– Отлично, – бросил он. – Соберемся у нас и выпьем за упокой его души. Пойду скажу викарию. Дамы, если подождете меня возле машины, я вас подброшу.

Дом, что построил Мэтт Маккарти – или, точнее, произвел его реновацию на деньги жены, – раньше был небольшим каретным сараем, возведенным на опушке леса в те далекие времена, когда главная дорога, ведущая к Испанскому дому, еще не имела ответвлений. Перестроенный каретный сарай, с его неогеогианским фасадом, высокими элегантными окнами и мощенным камнем передним двором, был выдержан в том же стиле, что и остальные дома в округе. Однако изнутри бывший каретный сарай выглядел вполне современно: со встроенной подсветкой, полами из ламината, просторной гостиной свободной планировки, а также игровой комнатой, где Мэтт с сыном еще несколько лет тому назад играли в бильярд.

Дом Мэтта был расположен на открытой местности, и от Испанского дома его отделял только лес. Деревушка Литл-Бартон, с ее пабом, школой и магазином, находилась в полутора милях отсюда. Однако длинная извилистая дорожка, по которой некогда можно было проехать до ближайшей главной дороги, теперь – заросшая травой, вся в ямах и рытвинах – пребывала в полнейшем запустении, в связи с чем Мэтту с женой требовались хорошие внедорожники, не скребущие брюхом по земле. Время от времени Мэтту приходилось специально преодолевать самый разбитый участок дороги длиной в четверть мили,

чтобы встретить посетителей; пару раз элегантные машины с низкой посадкой в результате лишались глушителя, а Мэтт, отнюдь не дурак, когда дело касалось бизнеса, прекрасно понимал: негоже начинать встречи с извинений.

Он едва не поддался порыву засыпать дорожку щебенкой, но Лора уговорила его не искушать судьбу: «Делай что пожелаешь, когда дом будет наш. Но зачем тратить столько денег ради чьей-то выгоды».

Теперь стол был уставлен бутылками хорошего вина, причем, учитывая количество гостей, хозяева явно перестарались, но Мэтт Маккарти отнюдь не желал прослыть скупердяем. И вообще, не подмажешь – не поедешь. Мэтт знал это не хуже других.

– Ты видел, как закопали старика?

– Кто-то ведь должен был удостовериться, что он не восстал из мертвых. – Мэтт протянул Майку Тодду, местному риелтору, большой стакан красного вина.

– Скажи, а Дерек еще тут? Я полагал, он предложит мне выставить дом на продажу, как только прояснится дело с завещанием. И хочу тебе сказать, из этой старой развалины можно сделать просто конфетку, правда, понадобится адская уйма денег. Последний раз я был там... э-э... четыре года назад. И дом уже тогда, казалось, вот-вот рассыпется.

– Да уж, он и сейчас не в лучшем состоянии.

– А что там написано над воротами? Cave? [\[1\]](#) Будь начеку, да? Умри – лучше не скажешь.

– Пожалуй, не стоит тебя томить, Майк, – наклонился к нему Мэтт.

– Неужели ты знаешь нечто такое, чего не знаю я?

– Скажем так: возможно, тебе придется заняться продажей этой недвижимости даже прежде, чем ты успеешь осмотреть ту.

– Что-то в этом роде я и подозревал, – кивнул Майк. – Ладно. Не буду кривить душой, уверяя, будто на твоём доме ничего не наваришь. Тем более таких предложений на рынке не так уж и много. Ты слышал, что в каком-то из номеров «Санди таймс» наш район был назван одним из самых востребованных у покупателей недвижимости?

– Ну, тогда тебе скучать не придется. Надеюсь, ты оценишь мой дом по максимуму?

– Ты ведь знаешь, Мэтт, я всегда на твоей стороне. Ладно, давай обсудим все позже. Кстати, там одна женщина хочет сделать дом из амбара, расположенного прямо за церковью. Будет чертова уйма работы, и я сказал ей, что у меня есть подходящий человек на примете. Прикинул, что мы оба сможем прилично заработать. – Майк сделал большой глоток и облизал губы. – И, кроме того, если ты задумал восстановить ту старую развалину, тебе понадобятся все деньги, что удастся выручить.

Надо же, а ведь на поминки пришло гораздо больше народу, чем на службу в церкви, подумала Лора. Небо за окном прояснилось, и она почти чувствовала прелый запах леса. Она успела выгулять собаку, отметив про себя, что, хотя на дворе всего лишь сентябрь, в воздухе уже неумовимо пахнет осенью. Затем она вспомнила, что пора подавать фруктовый торт, красовавшийся на подносе прямо перед ней. Гости явно обосновались тут всерьез и надолго, и ей, похоже, до вечера придется играть роль радушной хозяйки. Что ж, никуда не денешься. Деревня на то и деревня. Здесь все живут настолько замкнуто, что из любого мало-мальски значимого события стараются получить максимум удовольствия. Ну а если гости засидятся, придется попросить Кузенов открыть специально для нее их магазинчик.

– Как дела, моя красавица? – Мэтт обнял ее за талию. Всю эту неделю он был необычайно мил с ней: веселый, непринужденный, внимательный. И она, к своему стыду,

не могла не признать: смерть мистера Пи стала для нее подарком судьбы. – Жду не дождусь, когда их наконец можно будет выставить за дверь, – прошептал Мэтт.

– Старушки, возможно, скоро отправятся по домам. Миссис Линнет совсем развезло после третьей порции джина, а миссис Беллами храпит на сваленных в кучу пальто на втором этаже.

– Значит, еще немного – и они начнут клеить Кузенов.

Лора улыбнулась и положила на поднос нож для торта. Затем повернулась к Мэтту. Он был так же красив, как в тот памятный день, когда они познакомились. Обветренное лицо и морщинки в уголках глаз делали его еще привлекательнее. Временами это немного напрягало, но сегодня Лоре, захмелевшей от вина и ощущения свободы, было приятно осознавать, что у нее такой красивый муж.

– Теперь все будет по-другому, ведь так? – спросила она.

– О да.

Он наклонился ее поцеловать, а она обвила его обеими руками, скользнув ладонями по накачанному на тяжелой физической работе мускулистому телу. И в очередной раз поняла: его объятия неизменно будят в ней дремлющее желание. А затем ответила на его поцелуй с невольным самодовольством собственницы. У нее возникло странное чувство, будто ей снова удалось вернуть мужа, а значит она мучилась не зря. И то, что случилось в прошлом, было временным помрачением рассудка.

– Я вам, случайно, не помешал?

Мэтт поднял голову:

– Энтони, если ты сам не способен этого понять, считай, мы просто выкинули на ветер деньги, потраченные на твои уроки биологии.

Лора высвободилась из объятий мужа и взяла поднос с тортом.

– Мы с твоим отцом говорили о будущем, – сказала она. – О нашем чудесном будущем.

Мэтт незаметно привел себя в порядок. Иногда он даже был рад, что у него такая жена. Он проводил ее взглядом до дверей гостиной, с удовольствием отметив, что все при ней: тонкая талия, точеные ножки, шикарная походка. В общем, старая кошелка еще вполне хоть куда.

– А ты что, решил остаться дома? Я-то думал, ты уже давным-давно усвистал, – сказал Мэтт и не сразу понял, что на лице Энтони сегодня нет привычной заговорщицкой ухмылки.

– Шейн подвез меня домой после футбола.

– Ну, тебе повезло.

– Я видел твой минивэн у дома Терезы Диллон.

– И что? – слегка замаявшись, бросил Мэтт.

– А то. Ты ведь знаешь, я не идиот. Да и мама тоже, хотя она иногда и косит под дурочку. Благодушное настроение Мэтта моментально испарилось.

– Понятия не имею, о чем ты, – с напускной небрежностью ответил он.

– Вот и хорошо.

– Ты что, меня в чем-то обвиняешь?

– Ты сказал маме, что приедешь на похороны сразу после стройбазы. А база совсем в другой стороне, в четырнадцати километрах отсюда.

Ну и дела, подумал Мэтт. И его злость сменилась чем-то вроде гордости, что у него такой смысленый мальчонка, который, кстати, не боится своего отца. Парень-то, оказывается, с характером.

– Слушай сюда, инспектор Клузо недоделанный. Я заехал к Терезе, так как она позвонила и попросила срочно дать ей расценки на новые окна для дома, а вообще не суй свой нос в чужой вопрос.

Энтони ничего не ответил. Он просто стоял и смотрел, и Мэтт по его глазам сразу понял: тот ему не верит. На мальчике была дурацкая вязаная шапка, натянутая до бровей.

– А после ее звонка я решил, что на стройбазе нет ничего такого, за чем я не мог бы заехать завтра, – добавил Мэтт, но Энтони продолжал мрачно смотреть в пол. – Неужто ты и впрямь думаешь, будто я могу поступить так с твоей матерью? После всего, что она сделала для нашей семьи и этого старика?

Похоже, ему удалось пронять сына – в глазах мальчика промелькнула растерянность. Мэтт действовал чисто инстинктивно, руководствуясь принципом никогда не признаваться, никогда не оправдываться, который, видит бог, не раз выручал его из беды.

– Ну, я не знаю.

– Вот то-то же. А в следующий раз сперва думай, а потом говори. – Ага, похоже, он опять победил. – И вообще, ты слишком много времени проводишь в деревне. Я уже сказал твоей матери, что нечего тебе болтаться без дела, – хлопнув себя по лбу, произнес Мэтт. – У людей в нашей округе ничегошеньки в жизни не происходит, вот они и дают волю воображению, выдумывая всякие бредни. Черт возьми, ты сам-то слышишь, что говоришь? Ты ничуть не лучше этих деревенских старух.

– Я уже видел ее с тобой, забыл, что ли? – огрызнулся Энтони.

– И что? По-твоему, мне теперь и пофлиртовать ни с кем нельзя, так? Просто поболтать с хорошенькой женщиной? Мне теперь что, вечно ходить, опустив глаза, чтобы, упаси боже, не встретиться с кем-нибудь взглядом, да? Может, попросить миссис Линнет сшить мне паранджу? – (Энтони молча покачал головой.) – Послушай, сынок, даже если тебе сейчас и шестнадцать, придется все же немножко подрасти. И если ты думаешь, что твоей маме понравится иметь мужа подкаблучника, значит ты ничего в жизни не смыслишь. А теперь иди и постарайся найти более достойное занятие, чем строить из себя мисс Марпл. И подстриги, наконец, свои чертовы волосы!

Мэтт хлопнул за собой дверью, а Энтони остался сидеть, сторбившись от унижения.

Тем временем за окном сгустились сумерки, а затем и вовсе стемнело, ночь накрыла все вокруг плотным покрывалом, включая и дом, и лес, и поля. Однако скорбящие в ярко освещенной гостиной Лоры Маккарти явно не выказывали особого желания уходить. Правда, особого желания скорбеть они тоже не выказывали. И по мере продолжения возлияний рассказы о Сэмюэле Поттисворте становились все менее почтительными, пока наконец разговор не перешел на столь пикантные темы, как посеревшие от грязи шерстяные штаны покойного, которые тот не снимал даже летом, и непристойные предложения, что он делал навещавшей его хорошенькой медсестричке.

Сейчас и не вспомнить, кто первым подал идею продолжить вечеринку в большом доме. Тем не менее, когда веселье достигло своего апогея, французские окна под взрывы смеха неожиданно распахнулись. И Лора, которая шла следом за мужем, увидела, куда именно направляются гости.

На улице оказалось неожиданно тепло, воздух, наполненный голосами диких животных, прорезали лучи фонарей; под ногами шелестела первая опавшая листва, а лес буквально ожил от звука шагов и криков переговаривающихся в темноте пожилых дам.

– И он даже имел наглость клеиться к моей жене, – произнес Мэтт. – Старый греховодник. Девушки, вы там поосторожнее на этих дощечках.

– Мэтт, – остановила его Лора. – Не надо.

– Ой, да ладно тебе, дорогая! Ты ведь не собираешься объяснять каждому встречному, каким он был ангелом! – Мэтт подмигнул Майку Тодду, который держал стакан в высоко поднятой руке, словно боялся расплескать вино. – Тут все знают, что он из себя представлял. Правда, Майк?

– По-моему, это некрасиво, – сказала Лора.

– Плохо отзываться о покойных, да? Нет, я говорю чистую правду. Как и другие. Это ведь любя, разве нет?

– И тем не менее...

Наконец в лунном свете, причудливо игравшем на поверхности озера, возникли смутные очертания дома. В серебристо-синем сиянии он казался призрачным, более воздушным, чем при дневном освещении, а стелющийся по земле туман создавал полную иллюзию того, будто дом парит в воздухе. Если восточная стена была отделана красным кирпичом, то северная и южная, украшенные готическими окнами, были облицованы более традиционным норфолкским кремнием. Над обозначавшим хозяйскую спальню огромным эркером с видом на озеро располагался зубчатый парапет. Величественное, но не слишком привлекательное здание, под стать его прежнему владельцу. Однако таящее в себе большой потенциал. Лора поймала себя на том, что едва сдерживает дрожь. Дом с большой буквы. Тот, который она перестроит и в котором будет жить до конца своих дней. Тот, который докажет ее родителям, да и всем остальным тоже, что она не ошиблась, выбрав Мэтта в мужа.

– Только посмотри на него, – услышала она голос Мэтта. – Если бы Поттисворт остался жив, то в конце концов был бы погребен под руинами.

– Я еще помню этот дом в бытность его родителей, – подала голос миссис Линнет, вцепившаяся в руку Асада. – О, они прекрасно его содержали. Вон тут, а еще там стояли каменные павлины, по озеру плавали лодки, а по границе участка были высажены розы. Розы с правильным запахом, не чета нынешним.

– Вероятно, это действительно было нечто, – заметил Асад.

– Неземная красота. Хотя дом снова может стать таким. Если попадет в хорошие руки.

– Ох, а мне бы не хотелось тут жить. Посреди этого жуткого леса.

Лора взглянула на мужа; тот стоял в стороне от всех, в глубокой задумчивости, слегка запрокинув голову. И лицо его выглядело странно умиротворенным. Словно многолетнее напряжение начинало постепенно исчезать. Она на секунду задалась вопросом, не написано ли нечто подобное и у нее на лице, но решила, что, скорее всего, нет.

– Извини, Мэтт, – тихо произнес Дерек Уэнделл, поверенный. – Можно тебя на пару слов?

– А я вам рассказывал о том случае, когда он собрался продавать поле площадью тридцать акров? То, что за старым амбаром? – В разговор вклинился Майк Тодд, в темноте его голос казался особенно гулким. – Ему предложили хорошую цену, гораздо больше той, что он просил. Дело уже было практически на мази, но затем он встретился с покупателем в офисе адвоката. – Тут Майк сделал драматическую паузу. – Катастрофа.

– Продолжай, Майк, – хихикнула Лора.

Она пила начиная с полудня, чего никогда себе не позволяла. Обычно она себя ограничивала. Ведь что за радость с утра мучиться похмельем?

– Он выяснил, что покупатель родом из Франции. Или его родители оттуда приехали. А тот бедняга жил здесь уже двадцать лет. И вот нате выкусите: «Я не собираюсь продавать свою землю чертову коллаборационисту. Ни один лягушатник не наложит свои загребушие лапы на мой фамильный дом...» Но самое смешное – это то, что никто из Поттисвортов в жизни не воевал ни на одной чертовой войне. Они все или были комиссованы по болезни, или служили в чертовых финансовых частях.

– Чего-то я не припомню, чтобы он хоть о ком-нибудь хорошо отзывался, – продолжая разглядывать дом, произнес Мэтт.

– Ну, о миссис Маккарти наверняка. После всего, что она для него сделала...

– Нет, – отрезал Мэтт. – Даже о Лоре. По крайней мере, на моей памяти.

Он сел на окружающую дом низкую каменную стену; в ней был проход со ступеньками, которые вели к тому, что некогда служило подъездной дорожкой. Мэтт сидел с довольным видом собственника, позирующего фотографу.

– Мэтт! – Дерек Уэнделл подошел к нему вплотную. – Мне действительно надо сказать тебе пару слов.

И Лора сразу, даже раньше, чем Мэтт, заметила нечто такое в его взгляде, отчего она мгновенно протрезвела.

– Это насчет завещания, да? А нельзя ли обсудить детали позднее? – Мэтт похлопал поверенного по спине. – Дерек, неужели ты не можешь хоть изредка забыть о работе?

– Я не была в их доме тридцать лет, – заявила миссис Линнет, возникшая у них за спиной. – С похорон старого мистера Поттисворта. Катафалк везли две вороные лошади. Я хотела погладить одну, и она меня укусила. – Миссис Линнет вытянула вперед руку и прищурилась. – Поглядите, шрам до сих пор остался.

Никто уже никого толком не слушал, все перебивали друг друга, горя желанием высказаться.

– Помню, помню те похороны, – сказал Мэтт. – Я стоял на обочине со своим стариком. Он не захотел пройти в ворота, а просто стоял и смотрел, как кортеж проезжает мимо. Помню, он даже всплакнул, и это несмотря на то, что случилось. Через десять лет после того, как они вышвырнули его вон, оставив без крыши над головой, вообще без ничего, он плакал по старому Поттисворту.

Лора замерла, наблюдая за происходящим. Дерек, безуспешно пытавшийся привлечь внимание Мэтта, повернулся, и она неожиданно догадалась, что именно он собирается сказать ее мужу. Мир рухнул. Распался, как разрезанный апельсин. Лора отчаянно заморгала, пытаясь убедить себя, будто то, что она сейчас увидела, просто игра света или плод пьяного воображения. Но затем Дерек наклонился и зашептал на ухо Мэтту, и по окаменевшему лицу мужа, по его «Что? Что?», нарушившему этот душистый вечер, она поняла: старик, как и говорил викарий, действительно остался верен себе. Даже после смерти.

Ужасно неудобно играть на скрипке и одновременно плакать. При таком наклоне головы слезы сперва скапливаются в ямке между носом и уголком глаза, затем стекают по лицу и, что еще хуже, капают на скрипку, а значит их следует быстро стирать, чтобы дерево, не дай бог, не деформировалось.

Изабелла схватила белый носовой платок и поспешно вытерла влагу с полированной поверхности. Плакать и играть. Нет, или одно, или другое. Однако только игрой на скрипке она могла выразить то, что творилось у нее в душе. Лишь в такие моменты не было нужды надевать маску бесстрашной молодой женщины и прикидываться отважной мамочкой, невесткой, уверенным в себе работодателем и, что самое тяжелое, «стойкой молодой вдовой».

– Мам! – Китти звала ее уже несколько минут.

Она попыталась не обращать внимания на голос дочери и спокойно доиграть последние такты Пятой симфонии Малера, поскольку была морально не готова спуститься вниз, чтобы снова включиться в обычную жизнь. Однако призывы Китти становились все громче.

– Мам!

Нет, в таких условиях просто невозможно нормально играть. Она опустила скрипку, вытерла глаза и, постаравшись придать голосу беззаботность, крикнула в ответ:

– Что случилось?

– Мистер Картрайт пришел.

Картрайт... Картрайт... Она положила скрипку в футляр, открыла дверь мансарды и медленно спустилась вниз. Фамилию Картрайт она слышала впервые, хотя, возможно, и знала этого человека. До смерти Лорана у нее не было необходимости запоминать столько имен.

– Уже иду, – ответила она.

Картрайт. Мистер Картрайт. Наверняка по делу. Уж точно не сосед и не один из друзей Лорана, которые по-прежнему иногда заходили, и если узнавали обо всем впервые, то испытывали самый настоящий шок, а потому их приходилось утешать вот на этом самом диване, словно в ее обязанность входило теперь заботиться о чувствах других.

И уж точно не один из ее друзей, которые в основном потеряли с ней связь, когда ей пришлось уйти из оркестра.

Картрайт. Она заглянула в гостиную и с некоторым облегчением обнаружила, что сидевший на диване мужчина в темно-сером костюме и галстук был ей знаком. Она видела его на похоронах. Попытавшись собраться с мыслями, она бросила взгляд в сторону кухни, где Китти заваривала чай.

– А что, Мэри не может этого сделать?

– У нее выходной. Я тебе уже говорила.

– О... – Она вечно все забывала.

Дочь подала чай мистеру Картрайту, который, вытянув правую руку, предпринимал героические усилия подняться с низкого дивана. Мистер Картрайт, со своими начищенными ботинками и чопорным видом, смотрелся крайне неуместно на фоне царившего в комнате легкого бардака. Она вдруг увидела свою гостиную глазами постороннего человека. На столах кипы книг и журналов. На подлокотнике дивана кто-то оставил маску

для Хеллоуина и кипу стираного белья. Ее трусики вывалились из стопки и висели на спинке, явно желая спрятаться между подушками. Тьерри сидел, вперившись в телевизор, безразличный к творившемуся вокруг хаосу.

– Миссис Деланси, простите, если пришел не вовремя...

– Нет-нет, – успокаивающе махнула она рукой. – Очень рада вас видеть. Я просто... была наверху.

Китти, поджав под себя ноги, устроилась на стуле, обитом красным дамастом. Ткань настолько изнасилась, что серые внутренности стула торчали наружу, и Китти незаметно пыталась засунуть их обратно.

– Мама, мистер Картрайт пришел поговорить насчет денег, – сказала она. – А твой чай вот здесь, сбоку.

– Конечно. Спасибо. – (Бухгалтер? Финансовый консультант? Поверенный? С этими людьми всегда имел дело Лоран.) – Мне необходимо что-то подписать?

Мистер Картрайт наклонился вперед, что было весьма непросто, поскольку в данный момент его зад находился на шесть дюймов ниже коленей.

– Не совсем так. На самом деле... неплохо было бы... найти другое место для нашего разговора. – И он бросил многозначительный взгляд сначала на Тьерри, затем – на Китти.

Тьерри с явной неохотой выключил телевизор.

– Дорогой, можешь посмотреть свою программу в комнате Мэри. Уверена, она не будет возражать.

– Там пульт не работает, – сообщила Китти.

– Ну... возможно...

Но Тьерри уже ушел.

– Я останусь здесь, – заявила Китти. – Вдвоем иногда гораздо легче запоминать какие-то вещи.

– Моя дочь... очень толковая для своих лет.

Мистер Картрайт, явно чувствовавший себя не в своей тарелке, понял, что ему некуда деваться.

– Уже несколько недель я безуспешно пытаюсь связаться с вами, – начал он. – Мне кажется, теперь, когда... э-э... пыль немного осела, вы должны иметь полное представление о вашем финансовом положении. – Покраснев от натуги, он с трудом подбирал нужные слова.

Щелчком открыв лежавший на коленях портфель, словно за весь рабочий день это был для него самый приятный момент, мистер Картрайт вытащил оттуда пачку бумаг и стал аккуратно раскладывать их на кофейном столике, но сразу прекратил свое занятие, когда увидел грудку неразобранной корреспонденции.

– Мама не разбирает почту, – объяснила Китти. – А мы ждем, пока гора не начнет приобретать угрожающие жизни размеры.

– Китти, я непременно разберу почту. Я просто... еще не успела. – Изабелла смущенно улыбнулась мистеру Картрайту, с ужасом взирающему на грудку нераспечатанных конвертов, которая могла в любой момент обрушиться.

– Возможно, поэтому мы вам и не отвечали, – добавила Китти.

– Возможно, было бы весьма... разумно разобрать письма, – осторожно предложил мистер Картрайт. – Ведь там могут быть счета.

– О, с этим как раз все в порядке, – ответила Китти. – Я открываю все красное,

заполняю щеки, а мама их подписывает.

Изабелла заметила тень неодобрения на лице посетителя. Она замечала ее на лицах других мамаш, когда говорила, что готовкой занимается няня или что не знает имен школьных друзей своих детей. Неодобрение читалось и на лицах гостей, которые приходили уже после смерти Лорана и видели царящий в доме хаос. А однажды даже Мэри бросила на Изабеллу осуждающий взгляд, поскольку Изабелла вместо того, чтобы собирать детей в школу, лежала в кровати и рыдала навзрыд. Но эта стадия, когда она едва не рехнулась, когда повсюду видела лицо мужа и проклинала Бога за то, что отнял его у нее, уже миновала. И все же дорога из страны печали оказалась не настолько простой.

Мистер Картрайт взял ручку и закрыл портфель.

– То, что я собираюсь вам сообщить, явно не отнесешь к разряду хороших новостей.

Изабелла с трудом сдержала смех. Мой муж умер, думала она. Мой сын в шоке и отказывается говорить. Моя дочь за девять месяцев повзрослела на двадцать лет и не хочет признавать, будто у нас что-то не так. Мне пришлось бросить любимое дело, которому клялась посвятить всю свою жизнь, и вы считаете, будто можете сообщить мне плохие новости?

– Теперь, по истечении определенного времени, когда формальности... э-э... улажены, я всесторонне изучил финансовое состояние Лорана, и, похоже, оно не настолько... прочное, как могло показаться.

– Прочное?

– Боюсь, он, вопреки вашим ожиданиям, не смог вас достаточно хорошо обеспечить.

Ну, это еще не конец света, хотела сказать Изабелла. Деньги никогда не имели для нее особого значения.

– Но у нас есть дом. И его страховка. А это не так уж мало.

Мистер Картрайт внимательно изучал листок бумаги, который держал в руке.

– Вот баланс. Слева его активы, а справа список того, что мистер Деланси успел задолжать перед тем, как... отошел в мир иной.

– Он умер, – поправила его Изабелла. – Ненавижу это выражение, – пробормотала она, поймав укоризненный взгляд Китти. – Он... умер. Мой муж умер.

И не стоит пытаться завуалировать страшную правду. Не стоит бояться жестоких слов. Изабелла проглотила комок в горле.

Мистер Картрайт сидел молча. Покраснев, Изабелла взяла у него листок бумаги с балансом.

– Простите, – смущенно произнесла она. – Я не слишком сильна в цифрах. Не могли бы вы их объяснить?

– Выражаясь простым языком, миссис Деланси, ваш муж набрал займов под залог этого дома, чтобы обеспечить вам соответствующий уровень жизни. Рассчитывая на рост стоимости вашей недвижимости. Что вполне вероятно. И тогда ваша ситуация была бы не настолько плоха. Но вся беда в том, что, увеличив размер кредита под залог недвижимости, он не увеличил стоимости страхования жизни, чтобы покрыть эту сумму. На самом деле он воспользовался этими деньгами для финансирования своего проекта.

– Новая работа, – расплывчато объяснила Изабелла. – Он говорил, что новая работа даст большие дивиденды. Я так и не поняла... Я никогда не понимала, чем он на самом деле занимался. – Она виновато улыбнулась. – Что-то относительно развивающихся рынков, да? – (Картрайт посмотрел на нее так, будто все было ясно без слов.) – Я не... Вы можете

объяснить, чем это нам грозит?

– Кредит за дом до конца не закрыт. Выплаты по страховке вашего мужа покроют меньше половины долга, причем останутся обязательства по выплатам основной суммы кредита, а вот их, по моим соображениям, вам будет не потянуть. До настоящего времени денег на ваших совместном и сберегательном счетах хватало на покрытие долга, но, боюсь, там уже не так много осталось. Конечно, вы получите часть пенсии мужа и, возможно, какую-то прибыль, но если вы хотите сохранить дом, вам придется найти другой источник дохода для погашения кредита.

Ей казалось, будто это каркает ворона, неприятный, надоедливый шум. В какой-то момент Изабелла перестала различать слова и слышала лишь бухгалтерские термины. Страховка. Платежи. Финансовые решения. Именно то, к чему она была решительно не способна. Она подумала, что у нее сейчас начнется мигрень.

Изабелла сделала глубокий вдох:

– Мистер Картрайт, и что в таком случае я могу предпринять?

– Предпринять?

– Его инвестиции? Его накопления? Наверняка можно что-нибудь продать и выплатить кредит. – Она даже не была до конца уверена, приходилось ли ей употреблять такие слова раньше.

Я ведь никогда не разбиралась в финансах, мысленно упрекнула она Лорана. По идее, это входило в твои обязанности.

– Должен сообщить вам, миссис Деланси, что за несколько месяцев до своей смерти мистер Деланси достаточно много тратил. Он практически опустошил несколько счетов. Поэтому страховые суммы уйдут на покрытие долгов на кредитных картах и уплату – ах! – оставшихся алиментов бывшей жене. Насколько вам известно, вы, как его супруга, не должны платить налога на наследство, но, полагаю, в ближайшее время вам придется сократить расходы до минимума.

– А на что он тратил? – поинтересовалась Китти.

– Боюсь, вам придется проверить распечатку платежей по кредитным картам. Большинство корешков чеков не заполнено.

Изабелла попыталась вспомнить, чем они занимались последние месяцы. Но все события слились в памяти в одно расплывчатое пятно, причем произошло это буквально через несколько недель после его смерти. Годы жизни с Лораном неожиданно стали каким-то аморфным, неустойчивым банком воспоминаний. У нас была чудесная жизнь, тоскливо подумала она. Каникулы на юге Франции, ужины в ресторанах несколько раз в неделю. Она никогда не спрашивала, откуда у него деньги.

– Значит, никаких платных школ, никак нянь?

Изабелла совсем забыла о присутствии Китти. И только теперь заметила, что дочь старательно все записывает.

Мистер Картрайт с облегчением повернулся к Китти, словно они говорили на одном языке:

– Да, это было бы весьма желательно.

– Одним словом, вы хотите сказать, что мы потеряем дом.

– Насколько я понимаю, у вас... миссис Деланси, больше нет... стабильного дохода. И если вы переедете в более дешевый район и урежете расходы на домашнее хозяйство, вам, возможно, будет гораздо проще решить финансовые проблемы.

– Оставить наш дом?! – ошеломленно спросила Изабелла. – Но это дом Лорана. Мы вырастили тут наших детей. И он здесь со мной, в каждой комнате. Нет, мы не можем отсюда уехать.

На лице Китти была написана твердая решимость – привычка, приобретенная ею еще в раннем детстве, когда, поранившись, она стискивала зубы, чтобы сдержать слезы.

– Китти, детка, ступай наверх. Не волнуйся. Я все улажу.

После секундного колебания Китти, неестественно выпрямившись, вышла из комнаты. Мистер Картрайт смущенно проводил ее глазами, словно чувствовал свою вину за то, что причинил ей боль.

Изабелла подождала, пока дочь не закроет за собой дверь.

– Но ведь должен же быть хоть какой-то выход! – с горячностью произнесла она. – Вы все знаете о деньгах. И наверняка можно что-нибудь сделать, чтобы дети остались там, где жил их отец. Они любили его. И видели его, возможно, даже чаще, чем меня, поскольку я постоянно уезжала на гастроли. Мистер Картрайт, я не могу с ними так поступить. – (Мистер Картрайт, слегка порозовев, принялся шелестеть бумагами.) – А вы уверены, что у него не осталось активов во Франции?

– Боюсь, там у него остались только долги. Практически за год до смерти он перестал выплачивать алименты бывшей жене. Я абсолютно уверен, что мы имеем полную картину положения дел.

Изабелла вспомнила жалобы Лорана на тяжелое бремя алиментов. У них же не было детей, возмущался он. Он решительно не понимал, почему та женщина не могла самостоятельно найти средства к существованию.

– Послушайте, миссис Деланси, я действительно не вижу никакого способа структуризации ваших долгов. Даже если вы рассчитаете няню и заберете детей из частной школы, у вас не хватит средств на выплату кредита.

– Я что-нибудь продам, – сказала Изабелла. – Возможно, после него остались дорогие произведения искусства. В книжном шкафу, кажется, было несколько первых экземпляров. – Окинув взглядом неупорядоченную подборку потрепанных книг в мягкой обложке, она поняла тщетность своих надежд. – Я не могу подвергнуть детей такому испытанию. Они уже достаточно пострадали.

– А как насчет того, чтобы вам снова начать работать?

Вам этого не понять, подумала Изабелла.

– По-моему, детям необходимо, чтобы... хотя бы один родитель... – она прочистила горло, – был рядом. И моих заработков как музыканта оркестра вряд ли хватит на покрытие домашних расходов.

Мистер Картрайт, бормоча себе под нос, снова принялся перебирать бумаги.

– Есть одна возможность, – наконец произнес он.

– Я не сомневалась, вы что-нибудь придумаете, – с готовностью отозвалась Изабелла.

Он пробежал пальцем по списку:

– К сожалению, речь идет не о финансовых активах, из которых вы могли бы извлечь выгоду. Однако, по моему разумению, самое ценное, чем вы располагаете, не считая этого дома... ваша скрипка.

– Что?

Он полез за калькулятором и принялся проворно умножать и делить цифры.

– Насколько я понимаю, у вас Гварнери? Вы застраховали ее на шестизначную сумму.

Если вы продадите ее по сопоставимой цене, вам не удастся покрыть расходы на обучение детей, но, по крайней мере, вы сможете сохранить дом. – Он протянул ей калькулятор. – Я подсчитал с учетом комиссионных, но вы наверняка сумеете закрыть кредит, и у вас еще кое-что останется. Очень разумное решение.

– Продать мою скрипку?

– Это куча денег. Причем именно тогда, когда вы в них остро нуждаетесь.

После того как мистер Картрайт ушел, Изабелла поднялась наверх и рухнула на кровать. Она смотрела в потолок, вспоминая ночи, когда чувствовала на себе тяжесть тела Лорана, а еще вечера, когда они читали и болтали ни о чем, не осознавая счастья тихих семейных радостей, или когда брали к себе в кровать своих новорожденных детей и восторженно смотрели то на них, то друг на друга.

Она провела рукой по шелковому покрывалу. Однако это чувственное удовольствие показалось ей абсолютно бессмысленным. Ведь покрывало, богато расшитое красным, казалось слишком сексуальным, оно словно насмехалось над ее одиночеством. Она обхватила себя руками, пытаясь прогнать подкрадывающийся приступ отчаяния, чувство невозвратной утраты, которое накатывало на нее всякий раз, когда она ложилась на широкое супружеское ложе.

Через стенку она слышала приглушенный звук телевизора и представляла своего сына, ушедшего с головой в очередную компьютерную игру. В свое время она надеялась, что один из детей, возможно, проявит интерес к музыке, но они, как и их отец, не имели для этого ни таланта, ни особой склонности. Наверное, все правильно, подумала она. Наверное, в нашей семье только один человек мог идти за своей мечтой. Лоран меня испортил. Позволил мне стать единственной, кому выпало такое счастье.

Она услышала, как вернувшаяся домой Мэри разговаривает с Китти. Затем, понимая, что больше не имеет права прохладиться, встала с постели, поправила покрывало и медленно спустилась вниз. Китти она застала в гостиной, дочь сидела по-турецки на полу перед кофейным столиком. Гора корреспонденции была разделена на несколько кучек официальных, в коричневых конвертах, или подписанных вручную писем и рассортирована в зависимости от адресата.

– Мэри ушла в супермаркет. – Дочь отложила в сторону очередной конверт. – Мне кажется, нам следует, по крайней мере, открыть хоть какие-нибудь из этих.

– Я справлюсь. Дорогая, тебе вовсе не обязательно мне помогать. – Наклонившись, Изабелла погладила дочь по голове.

– Вдвоем дело пойдет быстрее.

В голосе девочки не было обиды, она просто проявляла свойственную ей практичность, и Изабеллу охватило чувство вины, смешанной с благодарностью. Лоран звал Китти *vieille femme*^[2]. И теперь Изабелла поняла, что ее пятнадцатилетняя дочь в столь нежном возрасте взяла на себя эту роль.

– Тогда я приготовлю нам чай, – сказала Изабелла.

Мэри жила с ними с рождения Китти. Иногда Изабелле казалось, что няня знает детей лучше, чем родная мать. Именно спокойная деловитость Мэри помогла им держаться на плаву последние несколько месяцев, ее основательность стала путеводной нитью в сюрреалистической действительности. Изабелле было даже страшно представить, как бы она справилась, не будь рядом Мэри. Одна мысль о готовке, глажке, смене постельного белья

и так далее — словом, обо всем том, что входило в каждодневные обязанности Мэри, переполняла душу Изабеллы отчаянием.

Я должна быть сильной, твердила она себе. Случаются вещи и похуже этого. Возможно, уже через год мы снова будем смеяться.

Вернувшись с двумя кружками чая, она поцеловала дочь в голову, исполненная благодарности за то, что та рядом. Китти рассеянно улыбнулась, затем помахала чем-то перед ее носом.

— Это надо быстренько оплатить. — Она сунула Изабелле просроченный счет за газ. — Они грозят нам отключением. Но внизу написано, что можно оплатить счет по телефону, если у тебя есть кредитка.

Слово «кредитка» напомнило Изабелле, что она не внесла минимальный платеж за последние два месяца, и это еще больше увеличило несуразную, по ее представлению, сумму перерасхода. Изабелла сунула счет в самый низ кипы бумаг. Денег не было. Именно так и сказал мистер Картрайт.

— Я разберусь, — заверила она дочь.

Она оплатит счета. Найдет деньги. Все образуется. И что мне делать? — спросила она себя. Если я выберу одно, то разобью им сердце, а если выберу другое — разобью свое.

— Что-то не разберу, а это откуда? — Китти бросила ей плотный белый конверт, подписанный элегантным каллиграфическим почерком.

— Отложи в сторону, дорогая. Возможно, это от одного из французских родственников, который узнал обо всем только сейчас.

— Нет, письмо адресовано папе. С пометкой «лично».

— Тогда положи его к тем, с напечатанным адресом. Все, что срочное, передавай мне. А остальное оставь на потом. Я сегодня что-то совсем расклеилась.

Господи, как же она устала! Она постоянно чувствовала себя усталой. Изабелле хотелось упасть в мягкие объятия диванных подушек и закрыть глаза.

— Мама, у нас все будет хорошо? Ведь так?

Изабелла моментально выпрямилась:

— О, у нас все будет замечательно.

При желании она могла говорить вполне убедительно. Она попыталась растянуть лицевые мышцы в бодрой улыбке, но тут ее внимание привлек листок бумаги с подписью Лорана внизу. Она вспомнила манеру Лорана расписываться, не глядя на бумагу, в результате чего получался этаким небрежный витиеватый росчерк. Я больше никогда не увижу его руки, подумала она. Квадратные кончики пальцев, ногти цвета морской ракушки. Они больше никогда не прикоснутся ко мне, не сожмут мои плечи. Теперь, спустя девять месяцев, она хорошо узнала, как это бывает: боль утраты обрушивается без жалости, без предупреждения. Скорбь подобна набегаящей волне. Она накатывает на тебя и закручивает в гигантском водовороте, грозя утащить на дно. Ну почему, почему больше нет этих любимых рук?!

— Мама, ты должна на это взглянуть.

Изабелле пришлось собрать все свои силы в кулак, чтобы вернуться к действительности. Но в голове было пусто, и ей никак не удавалось сделать более-менее спокойное лицо.

— Просто сложи все счета вместе, солнышко. — («Лоран! — буквально рвалось у нее из груди. — Как ты мог нас оставить?») — Знаешь, давай отложим все это на завтра. Мне кажется... Мне нужно выпить бокал вина. — Она поймала себя на том, что ее голос

дрожит.

– Нет. Ты должна посмотреть на это. – Китти помахала у нее перед носом каким-то письмом.

Очередные официальные бумаги, требующие ее подписи и решения. Боже, дай мне силы сделать выбор! Почему мы должны чем-то жертвовать?

– Не сейчас, Китти. – Она с трудом сдерживалась, чтобы не сорваться на крик.

– Но ты только посмотри. Вот. – У Китти в руке было зажато письмо с машинописным текстом. – Не знаю, может, это розыгрыш, но тут говорится, что кто-то оставил тебе дом.

– Ты не находишь это немного волнительным?

У Фионнуалы, игравшей в Лондонском симфоническом оркестре, был перерыв между репетициями. Они сидели в кафе, в котором уже раз сто бывали на ланче; оно было достаточно близко от зрительного зала, чтобы слышать, как настраивают контрабас, а гобой осваивает новый звуковой ряд. В своей жизни Изабелла успела пережить и домашнее блаженство, и горечь утраты. Еще год назад, думала она, я даже не представляла себе, что такое настоящая боль. А теперь она чувствовала противную зависть к подруге, которая щебетала как ни в чем не бывало, не понимая, в какую черную дыру засосало Изабеллу. Это ведь я должна была сидеть здесь, жаловаться на дирижера, мысленно возвращаясь к «Адажио», думала она.

– А ты не боишься выплеснуть младенца вместе с водой? – спросила Фионнуала и, сделав глоток вина, добавила: – Ей-богу, отличное вино.

– Так будет лучше для детей, – покачала головой Изабелла. – Чудесный загородный дом, хорошие государственные школы, маленькая деревушка. Ты ведь знаешь, как ужасны эти лондонские парки. Мэри вечно жалуется, что ей приходится чуть ли не полчаса подбирать с земли битое стекло, чтобы дети могли спокойно поиграть.

– Я просто не понимаю, почему бы не потянуть время и для начала не съездить туда и не посмотреть дом.

– Фи, у нас нет времени. У нас нет денег. Так или иначе, я уже видела его много лет назад, еще ребенком. Как-то родители взяли меня с собой на прием в саду. Насколько я помню, роскошное место. – Ей почти удалось себя уговорить.

– И все же – Норфолк? Это ведь даже не побережье. И вообще, слишком уж смелый шаг. Ты там никого не знаешь. Тебе ведь никогда особо не нравилась деревня. Ты не создана для сельской жизни, так? – Фионнуала закурила сигарету. – Ради бога, не пойми меня превратно, но, Изабелла, ты... иногда бываешь чересчур импульсивна. Тебе следует вернуться к работе и попытаться хоть как-то свести концы с концами. Уверена, тебя не бросят и найдут для тебя дополнительные ангажементы. Господи боже мой, ты ведь у нас первая скрипка! Или можешь начать давать уроки. – (Изабелла удивленно подняла брови.) – Ну ладно, может, преподавание и не твой конек. Но твоя затея кажется уж больно экстремальной... А что думают дети?

– Они в порядке, – автоматически ответила Изабелла.

«Но это ведь наш дом. Папин дом! – возмутилась Китти. – Ты ведь сказала, что все уладила».

Изабелла удивлялась собственной выдержке. Лоран меня простит, говорила она себе. Он никогда не потребовал бы от меня, чтобы я рассталась со своей скрипкой, которую, помимо всего прочего, сам же и подарил.

«По каком праву ты одна все решаешь? Ведь если ты еще не забыла, нас осталось трое. – Лицо Китти покраснело от возмущения подобной несправедливостью. – Почему мы не можем продать новый дом? Он, должно быть, стоит целое состояние».

«Потому что после уплаты налога на наследство у нас не останется средств на погашение долгов, поняла? Ведь тот дом намного дешевле этого. – Она постаралась немного смягчить тон. – Китти, тебе это трудно понять, но твой папа... оставил нас без гроша за душой. И даже больше чем без гроша. Поэтому, чтобы выжить, нам надо продать папин дом. Все не так страшно, как кажется. Ты сможешь приезжать в Лондон повидаться с друзьями. А новый дом очень большой, значит они тоже смогут приезжать погостить. На каникулах, если захочешь».

По лицу Тьерри вообще невозможно было понять, что он думает.

«И дело не только в деньгах, мои хорошие, – сказала Изабелла, пытаясь перетянуть детей на свою сторону. – Нам просто надо переехать».

– И все-таки я по-прежнему считаю, ты совершаешь ошибку, – продолжила уговаривать подругу Фионнуала, одновременно макая кусочек хлеба в оливковое масло и подчищая им тарелку. – Ты еще не оправилась от потрясения, а потому не способна принимать жизненно важные решения.

Судя по лицу Мэри, она придерживалась аналогичного мнения. Но Изабелла должна была это сделать, причем немедленно. В противном случае она просто-напросто сломается. А новый дом давал ей прагматичное решение всех проблем. Единственный способ собрать из осколков свою жизнь, избавиться от неизбежной боли утраты, избавиться от наваждения. Иногда, когда у нее разыгрывалось воображение, она уверяла себя, будто именно Лоран послал ей новый дом и сделал это в искупление грехов за долги. А дети так легко приспособляются, успокаивала она себя. Взять хотя бы тех, чьи родители были беженцами, дипломатами или военнослужащими. Они ведь постоянно переезжают. В любом случае, может, и ее детям станет легче вдали от того, что постоянно напоминает им о прежней жизни. Возможно, и ей самой станет легче.

«Если я правильно все понял, то дом нуждается в капитальном ремонте», – сказал ей поверенный.

Она решила встретиться с ним лично, поскольку не могла до конца поверить, что это не розыгрыш.

«Там когда-то жил мой двоюродный дедушка, значит все по определению не так уж и плохо», – ответила она.

«Боюсь, я знаю только то, что значит в официальных бумагах, – произнес он. – Но примите мои поздравления. Насколько мне известно, это один из самых больших домов в округе».

Она оказалась единственной здравствующей родственницей хозяина, а потому унаследовала дом вследствие невидимых связей, возникающих при отсутствии завещания.

– У тебя ушла целая вечность на то, чтобы стать первой скрипкой. И ты чертовски хорошо играешь, – сказала Фионнуала. – Ну а кроме того, в своей глуши ты уж точно никогда никого не встретишь.

– А с чего ты взяла, что мне это нужно?

– Не сейчас, конечно. Но со временем... Послушай, я не хотела...

– Нет, – оборвала ее Изабелла. – Лоран был единственным мужчиной в моей жизни, и никого другого больше не будет. И вряд ли найдется такой человек, который смог бы... –

Она замолчала, а затем твердо добавила: – Я хочу начать жизнь с чистого листа. И этот дом – новое начинание.

– Что, полагаю, для тебя очень важно. – Фионнуала накрыла руку подруги своей. – Черт, мне уже пора. Прости, Изабелла, но дирижирует Бартон, а ты ведь знаешь, каким он становится гадом, когда кто-нибудь опаздывает. – Изабелла потянулась за кошельком, но Фионнуала ее остановила: – Нет, нет и нет. Я сегодня угощаю, так как завтра мы записываем музыку к фильму. Четыре часа прохлаждаться, чтобы играть сорок минут. На днях я узнала, сколько нам заплатят за каждую ноту. Чертовски щедро! – Она положила деньги на стол. – Когда я приеду, приготовишь для меня жаркое. Подстрели куропатку. Удиви меня благоприобретенными деревенскими замашками. – Она через стол крепко обняла Изабеллу, затем отстранилась и пристально посмотрела на подругу. – Как думаешь, когда ты снова сможешь играть?

– Не знаю, – ответила Изабелла. – Когда дети станут... снова счастливыми. Но это ведь всего пара часов на поезде. Уж точно не Гебридские острова.

– Ну, ты определенно торопишь события. Мы по тебе скучаем. Я по тебе скучаю. Мужик, который занял твое место, абсолютно безнадежен. Солирует с опущенной головой и считает, что мы за ним поспеваем. Мы тупо пялимся на него, словно он объясняется с нами на языке глухонемых. – Она снова обняла Изабеллу. – Ох ты, моя дорогая, я уверена, все будет в порядке, твой новый дом, ну и остальное. Прости, что с самого начала от меня не было особого проку. Не сомневаюсь, ты поступаешь совершенно правильно.

Совершенно правильно, подумала Изабелла, когда подруга с футляром для скрипки под мышкой скрылась за двустворчатой дверью.

Так будет лучше для всех.

Иногда она даже сама в это верила.

Генри незаметно пихнул Асада под прилавком локтем и показал на часы. У миссис Линнет ушло двадцать три минуты на то, чтобы купить коробку чая в пакетиках. Новый личный рекорд.

– Миссис Линнет, вам помочь? – предложил Генри.

И она прервала свой монолог. А говорила она, причем достаточно сумбурно, о системах видеонаблюдения, гранитных кухонных столешницах, о больной ноге своей соседки и о женщине, с которой когда-то работала и которая, по мнению миссис Линнет, осталась бесплодной, потому что спала в колготках.

– Впервые слышу о чайных пакетиках для жесткой воды. А что, их надо заваривать только в жесткой воде? У нас ведь тут известняк. Мой чайник вечно в известковом налете.

– Известняк? Для вас это, должно быть, настоящее испытание, – заметил Асад.

– Но зато он весьма полезен для костей, – продолжил Генри, с трудом сдерживая смех.

Глухой стук дождя по крыше становился все сильнее, а когда послышался удар грома, все трое вздрогнули.

– Я как раз собирался налить чашечку чая. Специально для вас, миссис Линнет, чтобы вы могли оценить качество наших чайных пакетиков для жесткой воды. – И, подмигнув Асаду, Генри направился вглубь магазина. – Конечно, если вы не слишком торопитесь.

День тянулся медленно. Проливной дождь и школьные каникулы, словно сговорившись, лишили их покупателей, если не считать самых отчаянных. Другие хозяева местных магазинчиков ворчали по поводу вялой торговли, а также того, что супермаркеты, с их доставкой на дом, уводят постоянных покупателей. Однако владельцы магазина «Сулейман и Росс», не обремененные долгами, с приличной подушкой безопасности в виде пенсионных накоплений за долгие годы работы в Сити, рассматривали такие дни как прекрасную возможность расслабиться и поболтать с покупателями. В свое время они открыли торговую точку отнюдь не с целью получения больших барышей, однако низкие цены, широкий выбор товаров и персональный подход к каждому обеспечили им преданность покупателей. И возможно, избавили от предубеждений поборников морали, поначалу не слишком приветливо встретивших этих двоих, которых жители деревни – дипломатично, хотя и вопреки здравому смыслу – теперь называли Кузенами.

Витрина магазина запотела, в результате чего плотная стена дождя за стеклом стала казаться еще темнее. Асад включил радио, и торговый зал наполнился звуками мелодичного джаза. Миссис Линнет задохнулась от удовольствия, ее пальцы затрепетали.

– Ах! – воскликнула она. – Обожаю Диззи, но мой Кеннет на дух не переносит современный джаз. – Она заговорщицки понизила голос. – Он находит его слишком... изотоническим. Хотя, с другой стороны, представители вашей расы ведь созданы для джаза, да?

Асад был слишком хорошо воспитан, чтобы позволить молчанию затянуться.

– Представители моей расы?

Миссис Линнет кивнула.

– Темнокожие, – сбивчиво объяснила она. – У вас... у вас есть чувство ритма. Ну, сами понимаете... это ведь заложено в генах.

– Тогда понятно, миссис Линнет, почему в ненастные дни типа сегодняшнего мне

особенно трудно держать себя в узде, – ответил Асад.

Поняв, что сболтнула лишнего, Дирдре Линнет, от греха подальше, переместилась поближе к двери.

Знакомый голос приказал собакам сидеть, и в магазин, стряхивая с волос капли дождя, вошел Байрон Ферт.

– Добрый день, Байрон, – улыбнулся Асад.

– Мне нужна открытка, – сообщил посетитель.

– Открытки в углу, – ответил Асад. – И для кого именно?

– Для Лили, – тихо сказал Байрон. – Моей племянницы. У нее день рождения.

Байрон казался слишком громоздким для помещения магазина, хотя ростом он был ниже Асада; парень явно не знал, куда девать руки и ноги, ему словно хотелось сделаться невидимым. Возможно, именно поэтому он и выбрал для себя работу в лесу, подумал Асад. Чтобы пореже попадаться на глаза.

– Здравствуйте, мистер Ферт. – Это Генри принес обещанный чай. Он обвел глазами мокрый дождевик Байрона и его заляпанные ботинки. – Насколько я вижу, вы сегодня общались с Природой. И похоже, Природа вышла из вашей с ней схватки победительницей.

– Генри, а где открытки ручной работы? – Асад внимательно изучал полки. – Они ведь у нас точно были, да?

– Мы больше не продаем открыток с указанием возраста. Поскольку открытки для четырехлетних и пятилетних в два счета разберут и мы останемся с тонной нераспроданного товара для одиннадцатилетних.

– Ага. Вот они где. – Асад вытащил розовую открытку, украшенную блестками. – Раньше их делала одна женщина из города. Это последняя, конверт немного помялся, но если вы ее берете, я скину вам пятьдесят пенсов.

– Спасибо. – Байрон отдал деньги, взял у Асада бумажный пакет с открыткой, сунул пакет в карман куртки и, кивнув на прощание, закрыл за собой дверь магазина.

Тем временем миссис Линнет с несвойственным ей интересом продолжала изучать этикетки.

– Ну что, этот человек наконец ушел? – невпопад спросила она.

– Да, мистер Ферт нас покинул, – ответил Генри.

– Сомневаюсь, что вам стоит с ним так уж любезничать. Вот меня, например, от него просто колотит.

– Ваше право, – пробормотал Генри.

– Не вижу связи между прошлым мистера Ферта и тем фактом, что мы продали ему открытку для его племянницы, – заявил Асад. – Он нам всегда казался довольно приятным малым, разве что немного неразговорчивым. Миссис Линнет, вам, как истинной христианке, наверняка должны быть знакомы такие понятия, как «раскаяние» и «всепрощение».

– Что ж, лиха беда начало. Помяните мое слово, – загадочно сказала она, постучав себя по носу. – Теперь мы как магнитом будем притягивать к себе всяких нежелательных личностей. На очереди педофилы.

– Боже упаси, – округлил глаза Генри.

Колокольчик на двери известил об очередном покупателе. В магазин вошла девочка-подросток, лет пятнадцати-шестнадцати, не больше. Она промокла насквозь, на ней не было пальто, а в руках – зонтика. Да и выглядела она слегка помятой, словно после долгого путешествия.

– Извините за беспокойство, – начала она, убирая со лба мокрые волосы, – но вы, случайно, не знаете, где... – она сверилась с бумажкой, – Испанский дом?

На секунду воцарилась мертвая тишина.

– Конечно знаю, дорогая, – сказала миссис Линнет, тотчас же забывшая о своих душевных страданиях. – Это совсем рядом. А могу я поинтересоваться, кого именно ты надеешься там застать. – (На лице девочки появилось озадаченное выражение.) – Старый мистер Поттисворт недавно скончался, – объяснила миссис Линнет. – И сейчас в доме никто не живет. Если ты приехала на похороны, то, боюсь, опоздала.

– О, я знаю, – кивнула девочка. – Мы туда переезжаем.

– Куда – туда? – Генри застыл в дверях подсобки.

– В Испанский дом. Эта молодая леди переезжает в Испанский дом. – Новость была настолько сенсационной, что миссис Линнет едва сдерживалась. Она протянула девочке руку. – В таком случае мы будем почти соседями, милочка. Я Дирдре Линнет... – Она посмотрела в запотевшее окно. – Насколько я понимаю, ты приехала не одна?

– Мама с братом остались в машине. По правде говоря, мне надо идти, потому что нас ждет грузовой фургон. – Так где, вы сказали, находится дом?

Асад сделал жест в сторону дороги:

– Свернете налево напротив указателя на свиноферму, затем на перекрестке – направо и далее по проселочной дороге, пока не увидите надпись «Cave!».

– Что значит «Берегись!» – в один голос добавили Генри и миссис Линнет.

– Мы открыты до пяти, – сказал Асад, – на случай если вам вдруг что-нибудь понадобится. И осторожней там, на проселке. Дорога... не в лучшем состоянии.

Девочка быстро записывала на своей бумажке:

– От свинофермы налево, на перекрестке направо, затем по проселочной дороге. Спасибо.

– До встречи, – произнес Генри, протягивая миссис Линнет кружку чая.

Они проводили ее взглядом. Потом до неприличия поспешно подскочили к запотевшей витрине и протерли на стекле небольшой кружок. Они увидели, как девочка залезает на сиденье большого, выдавшего вида «ситроена». За «ситроеном» стоял грузовой фургон, практически перегородивший дорогу; через лобовое стекло с работающими дворниками можно было увидеть сидевших в кабине троих здоровых мужиков.

– Ну и как вам это нравится? – спросил Генри. – В большом доме теперь будет жить юное поколение.

– Она, может, и совсем юная, – неодобрительно заметила миссис Линнет, – но это ни в коей мере не оправдывает состояние ее туфель.

– Дай бог, чтобы туфли были для нее наименьшим огорчением, – вздохнул Генри. – Интересно, какой прием им окажут их ближайшие соседи?

Они ехали по грязной проселочной дороге, Китти сидела молча, демонстративно игнорируя попытки Изабеллы хоть как-то ее разговорить. Время от времени девочка смотрела в зеркало заднего вида на грузовой фургон, вилявший между рытвинами, и едва слышно молилась.

– Ты уверена, что они правильно указали тебе путь? – уже в четвертый раз спрашивала Изабелла. – Что-то я не помню тут такой проселочной дороги.

– На перекрестке направо. Я даже записала.

Автомобиль болтало из стороны в сторону, и, попадая в очередную яму с водой, он скреб землю передним бампером. Китти слышала, как отчаянно, но без толку крутятся колеса, как протестующе воет мотор, пытаюсь сдвинуть машину с места. А вокруг стеной высились вековые сосны, заслоняя угасающий свет дня.

– Поверить не могу, что нам придется спускаться вниз. Без трактора оттуда точно не выбраться.

В глубине души Китти была даже рада, что проселочная дорога оказалась такой раздолбанной. Возможно, мама все же возьмет голову в руки и осознает всю неразумность этой дурацкой затеи. Многие недели Китти продолжала цепляться за тщетную надежду, что Изабелла одумается, признает свою ошибку и постарается как-то утрясти финансовые дела, чтобы избежать необходимости покидать дом. Но нет. Мама заставила Китти сказать до свидания школе, школьным друзьям, причем в середине учебного года, и поехать бог знает куда, в какую-то тьмутаракань. И все это ерунда, что мама говорила, будто она не потеряет связи с друзьями. Китти прекрасно понимала: если она оторвется от подруг, с их сплетнями и обменом эсэмэсками, то рано или поздно перестанет для них существовать. И даже если она будет навещать их хотя бы раз в две недели, то все равно окажется лишней, поскольку будет не в теме.

Дворники двигались туда-сюда по стеклу медленно и со скрипом, словно через силу. Еще год назад я была счастлива, думала Китти. У нее сохранился дневник за прошлый год, она все проверила и точно знала, что это правда. Иногда она специально мучила себя, перечитывая дневник: «Папа заехал за мной в школу. После обеда мы играли в шахматы, и я выиграла. Фильм „Соседи“ очень понравился». Иногда она гадала, что с ней будет еще через год. Ей не верилось, что они вернутся в Лондон. А еще меньше верилось, что они будут счастливы.

Тьерри, сидевший на заднем сиденье, неожиданно снял наушники.

– Почти приехали, Ти, – сказала она.

– Ну давай же, Долорес! Ты справишься.

Китти вздрогнула. Так странно, что мама зовет машину по имени. Деревья неожиданно расступились, и они оказались на большой поляне.

– А вот и знак, – ткнула пальцем Китти.

– «Сave!» – прочла Изабелла. – Мм... «Берегись!»

– Вот тут, – облегченно вздохнула Китти. – Именно так мне и сказали в магазине.

Изабелла попыталась разглядеть местность сквозь запотевшее лобовое стекло. Слева стоял аккуратный двухэтажный каменный коттедж. Явно не тот дом, что на фотографии. Машина медленно ползла по окаймленному деревьями изгибу дороги – и вот перед ними возник он. Трехэтажный дом из красного кирпича, увитые плющом и увенчанные нелепым зубчатым парапетом стены. Высокие окна выходили в сад, настолько заросший, что только по самшитовой изгороди можно было судить о его прежних границах. Архитектура дома выглядела на редкость эклектично, представляя собой этакую мешанину из разных стилей, словно в процессе строительства бывшим хозяевам наскучивала первоначальная задумка, они находили картинку с тем, что им нравилось больше, и вносили соответствующие изменения в проект. Одна стена была облицована камнем местной породы, окна в георгианском стиле утопали в готических арках.

«Ситроен» выехал на подъездную дорожку и остановился перед входной дверью.

– Ну вот, дети, – сказала Изабелла, – мы и на месте.

Дом показался Китти холодным, сырым и неприветливым. Она с тоской вспомнила их жилище в Мейда-Вейл, с уютными комнатами, запахами стряпни, специй и духов, успокаивающим бормотанием телевизора. Развалюха, чуть было не вырвалось у нее, но она вовремя прикусила язык. Ей не хотелось задевать мамины чувства.

— И что в нем испанского? — спросила она.

— Насколько я помню, дом задумывался в мавританском стиле. А там озеро. Я и забыла, какое оно большое. Взгляните! — Изабелла достала из бардачка большой конверт. Порывшись в нем, она вытащила ключ и клочок бумаги. Неподалеку от их машины огромная магнолия очнулась от зимней спячки, ее бледные цветы светились фонариками в тусклом вечернем свете. — Итак, согласно отчету поверенного, мы продали участок в шестьдесят акров, чтобы заплатить налог на наследство, и двадцать, чтобы на банковском счете были деньги. Но у нас еще есть семь акров слева... — (Небо совсем потемнело, не давая возможности разглядеть, что там за деревьями.) — И перед домом. Так что вид на лес и на озеро никуда не денется. Только представьте! Мы хозяева почти всей земли, что лежит перед нами.

Здорово, подумала Китти. Грязный пруд и страшный лес. Ты что, никогда не смотрела фильмы ужасов?

— Знаешь, если бы бабушка была жива, все это досталось бы ей. Хозяин был ее братом. Можешь представить себе бабулю в таком доме? После ее малюсенькой квартирки? — (Китти подумала, что не может представить никого, кто добровольно согласился бы жить в таком доме.) — А вода... О!.. Она просто волшебная. Вашему папочке непременно понравилось бы озеро... Он бы занялся рыбалкой... — Голос Изабеллы потух.

— Мама, он в жизни не ездил на рыбалку, — сказала Китти, подняв лежавший в ногах мешок с мусором. — И вообще, давайте выйдем из машины. Грузчики уже ждут.

Тьерри ткнул пальцем в сторону деревьев.

— Хорошая идея, дорогой. Ты можешь разведать окрестности. — Изабелла явно обрадовалась, что Тьерри проявил хоть какой-то интерес. — А как насчет тебя, солнышко? Тебе не хочется посмотреть, что здесь и как?

— Я помогу тебе наладить быт, — ответила Китти. — Тьерри, надень куртку и постарайся не заблудиться в лесу.

Гулко хлопнули двери машины, и Изабелла с Китти прошлепали по мокрому гравию к входной двери.

Буквально с порога на них пахнуло затхлостью, плесенью, сыростью и гниением. Китти, придерживая висящий на плече портплед, втянула в себя эту вонь со странным чувством нездорового любопытства и нереальности происходящего.

Все оказалось даже хуже, чем она предполагала. Холл был застелен потрескавшимся линолеумом, кое-где стершимся до дыр. Через открытую дверь ей была видна часть комнаты: обитые пестрой тканью стены в викторианском стиле и хлипкий расписной буфет типа тех, что в пятидесятые ставили на кухне. Два явно разбитых окна заколочены досками, едва пропускавшими свет. С потолка свисал кусок неизолированного провода, причем даже без лампочки на конце.

Нет, это никак не походило на дом, где живут люди. И уж точно не походило на дом, где хоть кто-то когда-то жил. Что ж, теперь она поймет, думала Китти. И ей придется отвезти нас домой. Мы по-любому не сможем остаться здесь.

Однако Изабелла только махнула рукой, предложив следовать за собой.

– Давай посмотрим, что там наверху, – сказала она. – А потом отыщем кухню и выпьем по чашечке чая.

Два остальных этажа также выглядели не слишком презентабельно. Спальни, а их было несколько, видимо, годами оставались закрытыми. В воздухе пахло запустением, обои местами отвалились и свешивались лоскутами. Только две комнаты были более-менее пригодны для жилья: хозяйская спальня с желтыми от никотина стенами, где все еще сохранились кровать, телевизор и два шкафа с прокуренной одеждой, а за ней – комната поменьше, явно отделанная в 1970-х, то есть на два-три десятилетия позже, чем все остальное. Ванна и раковина в трещинах и покрыты ржавчиной, из кранов текла мерзкая на вид вода. Пол на лестничных площадках скрипел под ногами, а катышки помета недвусмысленно намекали на присутствие в доме мышей.

Пусть видит, думала Китти, когда они с матерью наталкивались на очередной ужас. Пусть видит, что это невозможно. Но Изабелла определенно ничего не видела. Она только время от времени бормотала что-то типа: «А вот несколько миленьких ковриков...» – словно говорила сама с собой.

Китти насчитала в доме по крайней мере три изъеденные ржавчиной батареи. А над площадкой верхнего этажа потолок обвалился, обнажив похожие на скелет балки с кусками штукатурки, под дырой стояла явно имеющая стратегическое значение жестяная ванна, куда медленно и печально капала вода.

Но доконала Китти именно кухня. Если считать кухню сердцем любого жилища, то здешняя кухня буквально вопила о том, что дом этот ненужный и нелюбимый. Кухня оказалась прямоугольной комнатой с замызганными окнами, расположенной на несколько каменных ступенек ниже уровня первого этажа. На кухне было темно и воняло прогорклым маслом. Возле раковины расположилась допотопная кухонная плита-печь с крышкой, тусклой и местами потемневшей от серого налета неизвестной этиологии. Напротив Китти увидела отдельно стоящую электрическую плиту, менее загаженную, но тоже в крайне запущенном состоянии. Немногочисленная кухонная утварь была образца 1950-х, а тянущиеся по стенам полки предоставляли на редкость скудный выбор кухонных принадлежностей, лежавшие там пакеты с едой были густо покрыты пылью, мышиным пометом и дохлыми мокрицами.

– Какая прелесть! – Изабелла пробежала пальцами по старому сосновому столу в центре комнаты. – У нас никогда не было кухонного стола приличного размера. Правда, детка?

А тем временем грузчики наверху с грохотом сваливали в кучу предметы обстановки. Китти посмотрела на мать как на полоумную. Дом выглядел так, словно побывал в зоне военных действий, подумала Китти, а мама болтает о каких-то сосновых столах.

– И вот, посмотри. – Изабелла стояла возле раковины и наблюдала за тем, как кран, чихая и кашляя, возвращается к жизни. – Холодная вода абсолютно чистая. Не сомневаюсь, на вкус она просто сказочная. В деревне, по идее, всегда более чистая вода. Я вроде бы об этом где-то читала.

Китти была слишком расстроена, чтобы уловить истерические нотки в мамином голосе.

– Миссис Деланси? – На кухне появился самый здоровый из грузчиков. – Мы выгрузили первую партию вещей в передней комнате, но там довольно сыро. Думаю, вам стоит самой удостовериться, прежде чем мы продолжим разгрузку.

Изабелла бросила на него растерянный взгляд:

– В чем именно удостовериться?

– Э-э-э... помещение не... в лучшем виде... – засунув руки в карманы, начал грузчик. – Может, вам лучше пока поддержать вещи где-нибудь еще. И остановиться в другом месте. Пока вы все здесь не наладите. – (Китти хотелось его обнять. Ну наконец-то нашелся хоть один здравомыслящий человек.) – Сырость вряд ли пойдет на пользу вашему антиквариату.

– Ой, он пережил не одну сотню лет. И немного сырости ему уж точно не повредит, – отмахнулась Изабелла. – И вообще, что тут особо налаживать. Парочка мощных обогревателей – и дом сразу нагреется.

Грузчик покосился на Китти. И она увидела жалость в его глазах.

– Как вам будет угодно, – сказал он.

Похоже, у Китти нашелся союзник. И даже грузчик искренне удивляется, как эта сумасшедшая женщина, которая перевезла семью в развалюху с текущей крышей, еще может восхищаться каким-то сосновым столом. Китти вспомнила о доме, где они когда-то жили: уютном, с центральным отоплением, мягкими диванами и большим плазменным телевизором.

– Ну а где у нас то, что для кухни? – спросила она. – Думаю, пора приниматься за уборку.

– Для кухни?

– Чистящие средства. И еда. Перед отъездом я поставила две коробки возле входной двери, чтобы иметь кухонные принадлежности под рукой.

Последовало короткое молчание.

– Так это что, было для нас? – (Китти медленно повернулась к матери.) – Вот черт! А я решила, ты приготовила все это на выброс. И оставила коробки у мусорных баков.

Интересно, и что тогда они будут есть? Китти хотелось рвать и метать. И как теперь им пережить сегодняшний день? А она вообще о чем-нибудь думает, кроме своей проклятой музыки?!

И почему я должна этим заниматься? Китти поспешно отвернулась, чтобы мать не поняла, как сильно она, Китти, ее сейчас ненавидит. Глаза девочки наполнились слезами отчаяния, но она решила их не смахивать. Мама не должна видеть, что она плачет. Вот бы ей такую мать, которая заранее все продумывает и у которой в руках все спорится! Ну почему, почему мама не может быть хоть чуточку попрacticнее? И на Китти вдруг накатил приступ тоски по папе, по Мэри, которая, увидев этот дом – огромную, нелепую ошибку, непременно сказала бы Изабелле, что здесь не о чем говорить и надо срочно возвращаться домой.

Но сейчас тут не было взрослых. Только она сама.

– Ладно, куплю чего-нибудь в магазине, – сказала Китти. – Я возьму машину.

Она надеялась, что мать будет протестовать и не позволит ей сесть за руль. По крайней мере, спросит, умеет ли она водить. Но Изабелла пребывала в глубокой задумчивости, и Китти, вытерев слезы, ушла.

Изабелла посмотрела вслед дочери, которая нарочито громким топотом явно хотела выразить свое неодобрение. Хлопнула входная дверь, взревел мотор машины. Изабелла повернулась к окну и закрыла глаза.

Дождь прекратился, но небо угрюмо нависало над землей, словно не в силах определиться, давать местным жителям передышку или нет. У Китти ушло почти двадцать минут на то, чтобы проехать по проселочной дороге; папа позволял ей ездить лишь

на короткие расстояния, причем исключительно на каникулах, по принадлежащим их друзьям полям и частным дорогам на побережье. Ну а сейчас машина подпрыгивала на ухабах, и Китти, мертвой хваткой вцепившаяся в руль, тихо молилась, чтобы колеса не увязли в грязи и она не осталась одна-одинешенька в этом ужасном лесу. Она вспоминала фильмы ужасов, которые когда-то смотрела, и представляла, как мечется между деревьями, преследуемая призрачным монстром. Выехав из леса, она вышла из машины. Отсюда до деревни было всего пять минут ходу.

– И снова здравствуйте, – улыбнулся ей высокий темнокожий мужчина, когда она открыла дверь. – Ну что, не заблудились? Нашли дом?

– О да, мы его нашли, – угрюмо ответила Китти.

Она взяла корзинку и принялась обходить магазинчик, радуясь долгожданному теплу, а также витавшим в воздухе ароматам хлеба и фруктов.

– Похоже, дом не оправдал твоих ожиданий?

Китти слегка покорило от его бесцеремонности. Можно было подумать, будто этот человек знает все наперед. Однако в нем было нечто располагающее, и она не стала кривить душой.

– Дом ужасный, – с несчастным видом сказала она. – Просто ужасный. Поверить не могу, что там вообще кто-то жил.

Он сочувственно кивнул:

– В такие дни, как этот, жизнь вообще кажется гораздо хуже. При хорошем освещении дом выглядит не таким страшным. Так же как и мы все. Здесь. – Мужчина забрал у Китти корзинку. – Присаживайся, а я попрошу Генри приготовить тебе чашечку чая.

– Ой нет, спасибо. – Перед мысленным взором Китти тут же возникли газетные заголовки, кричащие об исчезнувших девочках. А вдруг этот человек задумал что-то дурное. Она ведь его совершенно не знала. И вообще, ей даже трудно было себе представить, чтобы какой-нибудь лондонский лавочник мог предложить незнакомой девочке еду или питье. – Я лучше... я лучше...

– И снова здравствуйте. – Из недр магазина появился второй мужчина, Генри. – Ну, как дела? Чем мы можем помочь? Если чего-то нужного нет на полках, то мы, в принципе, можем заказать. Что угодно. Болотные сапоги, дождевики... Насколько я понимаю, они могут тебе пригодиться. – Голос у него был добрый, говорил он очень тихо, хотя в магазине, кроме них, никого не было. – У нас есть замечательные мышеловки. Они не убивают маленьких плутишек, а просто их ловят. Ты можешь отвезти серых разбойников за несколько миль от дома и выпустить в лесу. – Он наморщил нос. – Полагаю, это станет для них вроде экскурсии. Настоящая эпопея для грызунов.

Китти посмотрела на темнокожего мужчину, который наполнял ее корзинку свечами и спичками. Она подумала о возвращении назад по этой жуткой дороге. Подумала о папиной руке, помогавшей ей держать руль. И о том, что, когда ехала сюда, с трудом сдерживала слезы.

– Первая корзинка – от нас, – сказал Генри. – Подарок на новоселье, правда, Асад? Но если ты согласишься ее принять, тебе придется взять на себя обязательство по крайней мере трижды в неделю приходить сюда и все нам рассказывать... – И он подмигнул ей.

Асад бросил на нее лукавый взгляд через плечо друга:

– И слушать, как Генри будет выкладывать тебе то, что у нас сходит за местные новости.

– Фу, какой ты злой.

Китти села и выдавила слабую улыбку – возможно, впервые за весь сегодняшний день.
– На самом деле я бы не отказалась от чашечки чая, – сказала она.

– Как это романтично, – заметил Генри, когда они закрывали магазин. – Умерший муж, нищета, скрипки... Куда интереснее, чем у последней семейки, переехавшей в нашу деревню.

– Генри, каждому дается по силам его.

– О, я знаю. – Генри закрыл дверь на два оборота ключа, затем для надежности подергал за ручку. – Однако нам остается только гадать, что с ними будет в этом доме. Особенно с учетом того, что его увели у Маккарти прямо из-под носа.

– Ты же не хочешь сказать, что...

– О, не думаю, что он им станет гадить. Просто они могут почувствовать себя в некоторой изоляции. Ведь это большой старый дом у черта на куличках.

– И это в очередной раз заставляет меня радоваться, что у меня такой коттедж.

– И центральное отопление.

– И ты.

Они обратили взоры к вершине холма, где за выгнутой линией тощих сосен на горизонте начинался лес, в котором исчезла Китти. Генри взял Асада за руку. Тем временем в Литл-Бартон заморгали, возрождаясь к жизни, два уличных фонаря, и друзья побрели домой.

Из коттеджа Маккарти Испанский дом можно было увидеть лишь в те времена года, когда лиственные деревья сбрасывают листву и зелеными остаются только сосны.

Мэтт со стаканом виски в руках не отрываясь смотрел на свет в одном из окон верхнего этажа Испанского дома.

– Ложись в постель.

Лора восхищалась накачанной спиной мужа, игрой мускулов и перекатывающимися бицепсами. Мэтт, казалось, вообще не старел; у него был все тот же размер одежды, что и в молодости, когда они только познакомились. И иногда, когда она видела растяжки на теле и свой отвисший живот, ей становилось даже немного обидно. Но сейчас, пребывая в состоянии сладостного предвкушения, она благодарила Бога за то, что ей так повезло с мужем.

– Ну давай же! Ты там чуть ли не целую вечность торчишь. – Она кокетливо спустила лямку ночной сорочки с плеча, чтобы грудь казалась более соблазнительной.

Прошло уже несколько недель. И столь долгое воздержание начало ее слегка нервировать.

– Мэтт?

– И что они собираются с ним делать? – бормотал он себе под нос.

Он явно не желал выходить из депрессии, и тот факт, что муж позволил истории с домом настолько омрачить их жизнь, вызывал у Лоры отчаяние, смешанное с раздражением.

– Ты не должен на этом заикливаться. Что угодно еще может случиться.

– Что угодно уже случилось, – с горечью обронил Мэтт. – Старый прохвост оставил его чужим людям. Господи помилуй, они даже не из наших краев!

– Мэтт, мне обидно не меньше твоего. Ведь помимо всего прочего, именно я на него горбатилась. Но я не собираюсь из-за этого лить слезы до конца своих дней.

– Он нас надул. Годами заставлял себя обхаживать. А сейчас он, наверное, хохочет над нами, глядя с небес, или где он там есть. Так же как старый Поттисворт посмеялся, черт бы его побрал, над моим папой!

– Ой, только не начинай! – Лорино игривое настроение моментально испарилось. Если он будет продолжать в том же духе, ей точно расхочется заниматься любовью. Но Мэтт, казалось, ее не слышал.

– Он, должно быть, уже много месяцев назад, а может, и лет задумал эту подлянку. И наверняка еще давным-давно сговорился с чужаками.

– Он ничего не знал. Никто не знал. Просто он по глупости не оставил завещания, а они оказались его единственными здравствующими родственниками. И все дела.

– Наверняка они были в курсе. Сидели, потирая руки, и ждали, покамест он окочурится. Может, он даже рассказал им о двух идиотах, что живут по соседству и ходят за ним, точно за малым дитем. Вот уж они, наверное, посмеялись.

Грань между злостью и желанием оказалась совсем тонкой. У нее словно онемели нервные окончания.

– Знаешь что? – сердито сказала Лора. – Ты абсолютно прав. Он сейчас смотрит сверху на то, как ты торчишь у окна, словно обиженный ребенок, и смеется над тобой. Если ты так уж сильно переживаешь, почему бы нам завтра не зайти к ним и не выяснить, что они собираются делать.

– Не желаю их видеть! – огрызнулся Мэтт.

– Не глупи. Рано или поздно нам придется это сделать. Ведь они наши ближайшие соседи.

Он промолчал.

Не отталкивай его, сказала себе Лора. Не стоит давать ему повод для самооправдания.

– Послушай, – начала она, – возможно, мы выясним, что они вовсе не хотят жить в этом доме, учитывая, сколько с ним предстоит возни. Они уже продали какое-то количество земли... И если ты сделаешь выгодное предложение... Ну, мои родители одолжат нам еще немного денег. – Она откинула пуховое одеяло. – Иди ко мне, любимый... Мы и так получили бóльшую часть земли и хозяйственных построек по хорошей цене. Если смотреть на вещи оптимистически. А это ведь уже что-то, разве нет?

Мэтт поставил стакан. Тяжело ступая, он прошел в ванную и, остановившись, бросил через плечо:

– На кой хрен мне эта земля без дома?

Изабелла замерзала. Насколько она себя помнила, ей еще никогда не было так холодно. Ледяной холод этого дома пробирал до костей, и что бы она ни делала, как бы ни закутывалась, согреться было невозможно. В конце концов она встала и негнущимися руками натянула на пижаму повседневную одежду. Затем положила поверх одеяла свое длинное шерстяное пальто, а также одежду детей, которую только смогла отыскать, и накрыла все это найденным в шкафу хлопчатобумажным вышитым покрывалом. В результате они все втроем улеглись в одну постель. Измученная хлопотами по распаковке вещей и определению более-менее пригодных для жилья комнат, Изабелла забыла включить обогреватель в хозяйской спальне, и когда вскоре после десяти вечера они поднялись наверх, то вместо заслуженного отдыха их ждали сырые простыни, сквозняк из незнамо каких щелей и мерный стук капающей в жестяную ванну дождевой воды.

Единственным способом согреться было лечь, тесно прижавшись друг другу. По крайней мере, именно так они себя успокаивали. Изабелла, лежавшая между детьми, отлично понимала, как им нужна материнская ласка, и это было то небольшое, что она могла им предложить самым фактом своего существования. Что же я наделала? – спрашивала она себя, прислушиваясь к дребезжанию рам, к незнакомым скрипам и шорохам дома, возне каких-то неведомых созданий на крыше. А за окном было непривычно тихо: ни шума проезжающих машин, ни стука каблучков по тротуару. Водная гладь и густой лес поглощали все звуки. Темнота действовала угнетающе. Ни светящихся окон домов, ни натриевых фонарей. Лишь первозданная природа. Слава богу, хоть дети рядом. Они крепко спали, и Изабелла, расслабившись, ласково провела рукой по их мордашкам. Затем она перегнулась через Тьерри, чтобы проверить, на месте ли футляр со скрипкой.

– Что я наделала? – прошептала она.

И собственный голос показался ей до крайности странным и бестелесным. Изабелла попыталась вызвать в воображении Лорана, услышать его слова утешения, но когда он к ней так и не явился, она, проклиная себя за дурацкую затею с переездом, разрыдалась.

Как и было обещано, утром Изабелла увидела все уже совсем в другом свете. Проснувшись, она обнаружила, что лежит в постели одна. День выдался ясным, ласковое весеннее солнышко, казалось, могло оживить самый безрадостный пейзаж; за окном громко пререкались облюбовавшие живую изгородь воробьи. Внизу раздавались звуки радио, а еще какое-то жужжание. Наверное, Тьерри гонял по гулким пустым комнатам радиоуправляемую машинку. И первой здоровой мыслью Изабеллы было: этот дом похож на нас. Оставленный, покинутый. Но теперь он за нами присмотрит, а мы, в свою очередь, вдохнем в него жизнь.

И, согретая этой мыслью, Изабелла выпрыгнула из постели, прошла испытание на прочность мытьем ледяной водой – ведь ни она, ни Китти не смогли справиться с допотопной и сложной системой горячего водоснабжения, – а затем вошла в ту же самую одежду, которую носила весь вчерашний день, поскольку оказалась не в состоянии идентифицировать картонную коробку со своим гардеробом. Изабелла медленно спустилась по лестнице, подмечая бесчисленные изъяны, которые упустила предыдущим вечером: потрескавшуюся штукатурку, прогнившие оконные рамы, недостающие половицы... Ну и так далее. Ладно, буду решать проблемы по мере их поступления, сказала она себе, опасаясь,

что эти самые проблемы вот-вот захлестнут ее с головой. Мы здесь, мы вместе. И это самое важное. У нее в голове вдруг зазвучали музыкальные аккорды: вступительная часть симфонии «Из Нового Света» Дворжака. Именно то, что надо. Добрый знак.

Музыка внезапно стихла, когда она оказалась рядом с кухней.

– Китти! – воскликнула она.

Ее дочь с головой окунулась в работу. Она расчистила завалы на полках, и, хотя их поверхность была изношена и покрыта трещинами, теперь, избавленные от пыли и окаменелостей, они буквально сияли чистотой. Цвет пола стал на несколько тонов светлее, а сквозь прозрачные оконные стекла теперь можно было увидеть сад. В раковине с горячей мыльной водой отмокала целая гора кухонной утвари, а на электрической плите в большой кастрюле кипятилась вода. Китти даже успела разложить по полкам их немногочисленные продукты. На рабочей поверхности стоял бормочущий радиоприемник, на столе дымились кружка чая. При виде преображенной до неузнаваемости кухни Изабелла ощутила прилив радости, смешанной с чувством вины за то, что дочь взяла на себя ее обязанности.

– А эта комната для холодного хранения, – Китти указала на дверь сбоку. – Мы можем использовать ее вместо холодильника, пока не найдем, куда его подключить.

– А разве нельзя просто взять и вставить вилку в розетку?

– Конечно можно, но, как я уже говорила, здесь нет розетки. Я везде посмотрела. Ой, а там я поставила мышеловку. Она их не убьет, а когда поймает несколько мышек, то просто отвезет их подальше. – (Изабеллу передернуло.) – Если только Тьерри не захочет оставить их в качестве домашних питомцев, – добавила Китти.

Лицо Тьерри тотчас же просияло.

– Нет, – отрезала Изабелла.

– Мне пока не удалось наладить гриль, но у нас есть крупа, а еще хлеб и масло. Двое джентльменов, что держат сельский магазин, сами пекут хлеб. И очень хороший.

– Домашний хлеб. Как мило. – У Изабеллы в горле вдруг встал комок.

Лоран, ты мог бы ею гордиться, подумала она.

– Правда, к хлебу у нас только джем.

– Джем – это замечательно, – сказала Изабелла. – Китти, ты молодец. Отлично надраила плиту. Возможно, сегодня нам удастся ее освоить. По-моему, такие плиты должны обогревать весь дом. – Мысль о тепле неожиданно пробудила в Изабелле чувство голода.

– Тьерри уже попытался, – сообщила матери Китти. – Извел целый коробок спичек, и все впустую. Ой, и телефон, оказывается, работает. У нас был неправильный номер.

Изабелла окинула взглядом прибранную кухню:

– Телефон?! Китти, ты чудо!

– Это всего-навсего телефон. Не стоит так волноваться. – Китти вырвалась из объятий матери, но на лице ее играла улыбка.

Однако уже два часа спустя атмосфера в доме стала менее оптимистической. Бойлер решительно отказывался работать, что предвещало очередной день без горячей воды и отопления. Плиту невозможно было разжечь, а от пожелтевшей инструкции, которую они обнаружили в ящике для ножей, оказалось мало проку: представленные там схемы явно предназначались для плиты совсем другой системы. Принесенные Тьерри дрова для камина оказались сырыми, и гостиная моментально наполнилась дымом и копотью.

– Может, дымоход забился, – закашлялась Китти – и на дрова упал обугленный трупик

голубя.

Все дружно взвизгнули, а Китти расплакалась.

– Ты должен был все проверить, тупица! – рассердилась Китти на брата.

– По-моему, голубь уже был давным-давно мертв, – заметила Изабелла.

– Откуда ты знаешь? А вдруг он его убил. – (Тьерри наставил на сестру два пальца.) –

И как можно быть таким идиотом, чтобы класть в топку сырые дрова?! – окрысилась Китти. – И вообще, ты уже разнес грязь по всему дому.

Тьерри посмотрел на свои кроссовки с налипшей на подошвы глиной.

– Не думаю, что это действительно... – начала Изабелла.

– Ты никогда бы так не сделал, если бы Мэри была здесь, – перебила мать Китти.

Проиgnорировав протянутую руку Изабеллы, Тьерри пулей выскочил из комнаты. Она растерянно окликнула его, но в ответ лишь услышала, как хлопнула входная дверь.

– Детка, разве можно быть такой резкой? – спросила Изабелла.

Если бы Мэри была здесь... Слова эти жгли Изабеллу изнутри.

– Ох, это треклятое место безнадежно. Абсолютно безнадежно, – произнесла Китти, опрометью бросившись на кухню. И жизнерадостной хлопотуньи как не бывало.

Изабелла стояла посреди пропахшей дымом комнаты, закрыв глаза руками. В прежней жизни дети никогда не пререкались по пустякам. Мэри всегда умела их отвлечь или хотя бы уговорить не обижать друг друга. Неужели они стали теперь больше ссориться именно из-за нее? Или ее просто-напросто старались оградить от их разборок?

– Тьерри! Китти! – Она вышла в парадный холл позвать детей, хотя понятия не имела, что будет им говорить, если они вдруг вернутся.

И вот некоторое время спустя она неохотно вошла на кухню и увидела, что Китти сидит скрючившись на стуле за кухонным столом с кружкой чая и журналом в руках. Девочка подняла на мать виноватые глаза. Щека у нее была испачкана сажей.

– Я не хотела на него наезжать, – сказала она.

– Знаю, родная.

– Он по-прежнему расстроен из-за папы и вообще.

– Мы все расстроены. Тьерри лишь демонстрирует это... по-своему.

– Мама, здесь невозможно жить. Ты должна была проверить. Тут нет воды, вообще ничего нет. Мы не можем ни согреться, ни помыться. Тьерри в понедельник должен пойти в новую школу. И как, спрашивается, ты собираешься стирать его одежду?

– Ну, тогда воспользуемся прачечной-автоматом. Пока не подключим стиральную машину, – отмахнулась Изабелла.

– Прачечной-автоматом? Мам, а ты сама-то видела эту деревню?

Изабелла тяжело опустилась на стул:

– Ну, тогда придется съездить в соседний город. Где-то ведь должна быть прачечная-автомат.

– Люди больше не пользуются прачечными-автоматами. У всех теперь стиральные машины.

– Тогда постираю его вещи вручную, а потом высушу феном.

– А почему нельзя просто вернуться домой? – взмолилась Китти. – Можно ведь как-то найти деньги. Я возьму на год академический отпуск в школе и пойду работать. Уверена, я смогу найти себе подходящее дело. Мы справимся. – (Изабелла вдруг остро почувствовала

собственную ущербность.) – От меня будет польза. Реальная польза. Пусть в Лондоне мы будем жить в нищете. Все лучше, чем в этом доме. Он ужасный. Самый натуральный бомжатник.

– Прости, дорогая. Но это совершенно невозможно. Наше жилье в Мейда-Вейл продано. И чем скорее ты сможешь обрести здесь настоящий дом, тем будет лучше для каждого из нас. Постарайся разглядеть красоту за уродством. Попробуй представить, каким может стать это место. Послушай, – перешла Изабелла на доверительный тон, – переезд на новое место всегда чреват трудностями. Я вот что тебе скажу: я вызову сантехника и он наладит горячее водоснабжение. А затем мы позвоним трубочисту. Ты и глазом не успеешь моргнуть, как наши несчастья останутся позади. – (Это уже было похоже на план.) – Телефон работает, так что начну прямо сейчас.

Изабелла ободряюще улыбнулась Китти и поспешно покинула кухню, сама толком не понимая, то ли ей действительно не терпится начать действовать, то ли просто хочется убежать от дочери, на лице которой было написано жесточайшее разочарование.

Мамин стеганный восточный жакет казался вызывающе ярким в этом убогом, обшарпанном доме. Китти положила журнал, опустила голову на руки и принялась изучать пряди волос на предмет посеченных кончиков. Но когда это занятие ей наскучило, она задумалась над тем, что бы еще такое сделать на кухне. Мама, конечно,хватила через край, приговаривая, какая Китти умница-разумница. Нет, мама явно не понимает, что Китти хлопочет по дому, просто чтобы удержаться от слез. Ведь расчищая завалы, она могла притворяться, будто все это увлекательное приключение. Причем она теперь отлично видела некоторые изменения к лучшему. По словам ее школьного психолога, она умела держать ситуацию под контролем. Но в те минуты, когда Китти делала передышку в работе, она невольно начинала думать о папе, об их лондонском доме или о Мэри, которая, когда они уезжали, обнимала их и плакала так, будто расставалась с собственными детьми. И в результате Китти хотелось наорать на маму, потому что она осталась единственной, на кого можно было наорать. Но на маму не стоило орать, потому что она до сих пор скорбела. И вообще мама была хрупкой и, по словам Мэри, совсем как ребенок. «Это типично для талантливых людей, – однажды вечером сказала няня Китти. – Ведь они словно большие дети. Не могут повзрослеть. Вся энергия у них уходит на занятие любимым делом». Китти так до сих пор и не поняла, что именно крылось в словах няни: осуждение или, наоборот, восхищение.

Однако Мэри была абсолютно права, и в раннем детстве Китти настолько ненавидела мамину скрипку, что частенько прятала ее, а затем с затаенным волнением следила, как мама мечется по дому в поисках своей Гварнери. Их жизнь была полностью подчинена этому инструменту. Им не разрешалось мешать маме репетировать, слишком громко включать телевизор, заставляя маму чувствовать себя виноватой из-за частых поездок на гастроли. И Китти научилась не обижаться на маму за то, что та никогда не играет с ней в подвижные игры, не помогает ей клеить разные бумажные штучки, так как понимала: маме надо беречь пальцы. Для Китти самым ярким воспоминанием детства было то, как она, притаившись под дверью маминого кабинета, слушала, как мама играет, словно это делало ее, Китти, хоть немного, но ближе.

Она знала, что вполне могла остаться единственным ребенком в семье, поскольку мама сомневалась, сможет ли сочетать музыкальную карьеру с необходимостью заботиться уже

о двух детях. И даже после незапланированного появления на свет Тьерри мама так ни разу и не побывала ни на одном из школьных вечеров, ни на игре в нетбол, потому что ей надо было выступать. Они все поймут, когда подрастут, говорил папа, особенно если им удастся найти свое место в жизни.

Мэри так часто сопровождала папу на школьные мероприятия, что люди думали, будто они женаты.

На Китти нахлынуло чувство детской обиды. Ненавижу этот дом, думала она. Ненавижу его, потому что тут нет папы и Мэри, а еще потому, что я не могу быть самой собой.

Водопроводчик обещал прийти на следующее утро, но предупредил, что возьмет за услуги по повышенному тарифу, так как вызов срочный. Он тяжело вздохнул, когда Изабелла объяснила, что не знает, в чем проблема, и что дом долго пустовал.

«Никаких гарантий, – упрямо твердил водопроводчик. – Только не с этими допотопными системами. Ваша, возможно, полностью засорилась». Изабелла говорила с ним извиняющимся, просительным тоном, а потом ненавидела себя за это.

Трубочист оказался куда дружелюбнее, он только присвистнул, когда она назвала адрес, и заметил, что последний раз прочищал там трубы пятнадцать лет назад. «Старик был еще тот скряга, – сообщил он. – Насколько я знаю, он годами не вылезал из своей комнаты и ему было плевать, что остальной дом разваливается буквально на глазах».

Да, дом немного... изношен, призналась Изабелла. Она горячо поблагодарила трубочиста, когда тот обещал прийти после полудня. «Если хотите, принесу вам пару мешков поленьев, – предложил он. – Я обслуживаю дома по всей округе».

Мысль о горящем камине немного воодушевила Изабеллу. Она положила трубку, в очередной раз отметив, какой жалкой кажется ее мебель в огромном доме, и это при том, что большинство комнат так и осталось заперто. Ладно, огонь исправит нам всем настроение, подумала она.

Она попыталась придумать, как прогнать поселившуюся в доме хандру. Да, огонь, несомненно, поможет, но они просто обязаны навести уют хотя бы в одной комнате, даже если остальные останутся пустыми. Южная часть дома казалось чуть-чуть менее сырой и нежилой. Она принялась перетаскивать туда свои вещи: ковры, две картины, маленький столик, вазу, а затем постаралась создать иллюзию домашнего уюта. Ковры полностью не закрыли половицы, но нарушили их пыльную монотонность и прикрыли самые жуткие дыры. Картины оживили выщербленные стены, а поставленный в нужное место столик замаскировал отсыревший плинтус. Задыхаясь и кашляя от вековой пыли, она вытрясла шторы. Затем оценила плоды своих усилий. Конечно, это не дом в Мейда-Вейл, но уже кое-что.

А тем временем там, за окном, Тьерри – маленькая, сгорбленная фигурка в зеленом джемпере, выделяющаяся ярким пятном на фоне серо-коричневого ландшафта, – брел между деревьями вдоль озера. В руках у него была палка, которой он сшибал верхушки растений. Он шел, опустив голову, изо рта вырывались облачка пара. И периодически он вытирал рукавом глаза.

Внезапно ее маленькие победы показались ей никчемными и пустыми. Изабелла вспомнила, что, когда она носила под сердцем Китти, одна виолончелистка как-то сказала ей: «Невозможно быть счастливой, если твой ребенок несчастен». Я должна

стараться сильнее, твердила себе Изабелла. Я должна превратить этот кошмар в настоящий дом, где не останется места для боли нашей общей утраты. У них никого нет, кроме меня.

Трубочист, мистер Гранджер, как и обещал, пришел после полудня и, незаметно сплюнув, прочистил три трубы, причем без лишнего шума и грязи, если учесть, сколько сажи ему пришлось выгрести. Шутливо подмигнув Тьерри, он сообщил мальчику, что «трубы, как ноздри, требуют регулярной прочистки», и, словно желая подчеркнуть свое высказывание, громко высморкался в носовой платок, а затем, к ужасу Китти, продемонстрировал им следы сажи.

Тем временем на сад опустились ранние сумерки. Дети остались с мистером Гранджером, который учил их, как правильно разводить огонь, а Изабелла поднялась наверх. Накануне вечером она заметила, что с лестничной площадки есть выход на плоскую крышу, и на всякий случай захватила с собой висевшую на кухне связку ключей.

Она собиралась постоять на крыше всего несколько секунд, чтобы полюбоваться открывающимся с высоты сказочным видом и весенним закатом, приглушавшим теплым персиковым светом холодный блеск темно-синих вод озера. Снаружи дом выглядел не таким унылым и гораздо более привлекательным, чем внутри.

Постояв так несколько минут, Изабелла наконец поняла, чего ей не хватает для релаксации. Она проскользнула в дом, вынула из футляра скрипку и вернулась на крышу. Подошла к парапету, пристроила под подбородком скрипку, еще толком не зная, что именно будет исполнять. А затем, поддавшись душевному порыву, начала играть Концерт для скрипки с оркестром си минор Элгара.

Когда-то она ненавидела это произведение, считая его чересчур сентиментальным. В свое время музыканты оркестра пришли к единодушному выводу, что данное произведение чересчур длинное и безнадежно устаревшее, но сейчас у Изабеллы неожиданно возникла внутренняя потребность его исполнить. И она забылась в звуках музыки. Прошел почти год со дня твоей смерти, мысленно обратилась она к Лорану. Теперь я буду подниматься наверх и играть для тебя. Реквием по нашей любви.

Ноты, страстные и глубокие, казалось, жили собственной жизнью, они эхом разносились в неподвижном воздухе над застывшими лугами и водной гладью, словно их несли на крыльях птицы. Она пару раз ошиблась, но какое это имело значение?! Ей не нужны были ни партитура, ни дирижер: звуки концерта для скрипки, который она не исполняла уже целую вечность, волшебным образом лились сами собой. А когда она перешла к потрясающей третьей части, то забыла обо всем на свете, кроме своих чувств, которым давала выход с помощью скрипки. Лоран. Она слышала его имя в технически сложных вариациях, которые исполняла так, будто отвечала на принятый вызов. Лоран. И больше никаких слез, все будоражащие душу эмоции – и печаль, и злость, и разочарование – трансформировались в звук, дарившей ей успокоение и освобождение.

Небеса потемнели, начало холодать. Ноты, взмывая ввысь, раскрылись и полетели, как птицы, как надежды, как воспоминания. Лоран, Лоран, Лоран, повторяла она до тех пор, пока слова и мысли не утонули в море звуков.

На пороге показался Асад с ящиком фруктов в руках, и Генри выскочил из-за прилавка, чтобы придержать ему дверь.

– Звонила миссис Линнет, – ухмыльнулся он. – Сказала, что эта их новая соседка

включает музыку на полную мощность, так что эхо разносится чуть ли не на всю долину. Если верить миссис Линнет, такое впечатление, будто кто-то тянет кошку за хвост. Более того, это мешает ей слушать по радио любимый альбом «Wartime Favorites». И если это безобразие не прекратится, миссис Линнетт пожалуется в Службу здоровья. Вот бедолаги.

Асад поставил ящик на полку для фруктов:

– Это вовсе не запись. Она дважды останавливалась. Я слушал, пока разгружали фрукты.

Выйди на улицу, и сразу все поймешь.

– Она что, продолжает играть?

Асад подтолкнул Генри к двери:

– Пойдем послушаем.

Небо хмурилось, и на деревенской улице, кроме них, никого не было. Окна коттеджей отбрасывали на дорогу длинные треугольники теплого света. То здесь, то там раздавался скрип опускающихся жалюзи.

– Ничего, – покачал головой Генри.

– погоди, – сказал Асад. – Может, ветер изменит направление. Вот... Слышишь?

Генри застыл, прислушиваясь. А затем, когда звуки скрипки стали более отчетливы, расплылся в широкой улыбке. Друзья наслаждались неожиданной встречей с прекрасным там, где они меньше всего этого ожидали.

Асад тоже улыбался чему-то своему, словно он на миг перенесся из холодной английской деревни в родные края.

– Как думаешь, она знает основную тему из «Кошек»? – когда музыка стихла, спросил Генри. – Что ж, я бы не отказался послушать в ее исполнении. Надо будет узнать, устраивает ли она вечеринки.

Под ясенем валялись мешки с мусором, оскорблявшие взор, особенно на фоне распускающейся зелени и росистой свежести природы вокруг. Мэтт, углядевший это безобразие в канаве вдоль грязной проселочной дороги, притормозил и выключил мотор, костеря на чем свет стоит тех, кто нелегально выбрасывает мусор. Он вылез из кабины, подобрал мешки и закинул их в минивэн. До чего же мы дожили, с горечью подумал он, если люди, чтобы выбросить мусор, готовы пилить полмили по лесной дороге, вместо того чтобы доехать до свалки. Да уж, достойное завершение не самого удачного дня с кучей проблем во всех областях его интересов. Плотник чуть ли не напроочь отрезал себе большой палец и теперь на несколько недель вышел из строя, а тут еще истеричный телефонный звонок от Терезы с жалобами, что у них уже шесть недель не было «качественного» секса. Похоже, до нее все доходит как до жирафа. А значит, она может стать для него настоящим геморроем.

Он остановился, чтобы вытереть руки ветошью, и внезапно услышал это: летевший над долиной протяжный звук, который не был похож на крик дикого зверя или птицы, по крайней мере из числа обитающих здесь. Он замер, весь превратившись в слух, а затем понял, что слышит музыку. Причем классическую.

Но Мэтт был отнюдь не в том настроении, чтобы наслаждаться музыкой. Громкой музыкой из большого дома.

– Черт, только этого мне и не хватало! – пробормотал он, забираясь обратно в машину.

Он потянулся к ключу в замке зажигания и окинул сердитым взглядом видневшиеся за деревьями очертания дома, созерцание которых неизменно вызывало в его душе приступ неконтролируемой ярости.

Но не стал заводить мотор, а просто остался сидеть. И слушать.

– Вот это ваш фитиль, понимаете? Одним словом, то, что вы хотите поджечь. Вы открываете маленькое окошко и зажигаете спичку... В любом случае моя примерно так и работает. А значит, у вас тоже должно получиться.

Мистер Гранджер едва успел заглянуть в недра кухонной печи-плиты, как в дверь неожиданно постучали. Изабелла, узнав от детей, чем в данный момент занимается трубочист, поспешила присоединиться к нему и теперь была крайне раздосадована внезапной помехой на пути постижения секретов мастерства.

– Вы что, ждете гостей?

Изабелла вытерла руки о штаны.

– Я тут никого не знаю, – равнодушно ответила она и, крикнув детям, чтобы открыли дверь, снова повернулась к мистеру Гранджеру. – Мистер Гранджер, не могли бы вы еще раз объяснить, что означает, когда пламя становится желтым?

Она услышала топот ног над головой, затем – звук открывающейся входной двери и скрип ведущих вниз ступенек.

– Дымоход в полном порядке, – заявил мистер Гранджер. – Если сунуть туда голову, то можно увидеть дневной свет. С этой плитой, по идее, у вас не должно быть проблем.

Дверь отворилась, и на кухне появился какой-то мужчина в рабочей одежде, из кармана его выцветшей куртки цвета хаки торчало несколько шариковых ручек. Китти и Тьерри робко вошли вслед за ним.

– Мэтт, как дела, приятель? У тебя все в порядке? – спросил мистер Гранджер. – Прежде ты никогда не заканчивал работы до темноты. Небось, пришел познакомиться с нашей новой соседкой? Надеешься отхватить здесь кое-какую работенку, а?

Произошла небольшая заминка, но потом посетитель улыбнулся и протянул руку. Изабелла неуверенно ответила на крепкое рукопожатие его мозолистой ладони.

– Привет, – слегка растерявшись, улыбнулась она. – Изабелла Деланси. А это мои дети – Китти и Тьерри.

– Мэтт Маккарти, – сказал он.

Что ж, он явно знал цену своей внешности. Изабелле почему-то вспомнилось странное выражение «альфа-самец», которое она когда-то слышала краем уха.

– Вот учу их разжигать плиту, того-этого, – сообщил Мэтту мистер Гранджер.

– А еще мы хотим развести огонь в спальне, – жизнерадостно объявила Китти.

– Ой, детка, а что, если попробовать нагреть все комнаты? – Изабелла вручила дочери коробок спичек. – Натопим весь дом.

– Хорошая мысль. Но перво-наперво проверьте, достаточно ли у вас поленьев. Такими темпами вы уже за сегодня сожжете уйму дров, – сказал мистер Гранджер и, хмыкнув, добавил: – Сам посуди, Мэтт, они, конечно, привыкли к центральному отоплению. Сдается мне, я подготовил парочку маленьких поджигателей.

– Значит, вы не из наших мест?

Мэтт Маккарти так пристально на нее смотрел, что Изабелла заволновалась, не измазала ли она нос сажей, с трудом подавив желание вытереть лицо.

– Нет, – улыбнулась она, чтобы скрыть смущение. – Мы переехали из Лондона. И не слишком-то приспособлены к здешней жизни. Не умеем, например, правильно разводить огонь. Вот мистер Гранджер и помогает нам разобраться, что к чему.

– Да чего там, я просто налаживаю эту старую плиту, – смутился мистер Гранджер. – Хозяйка хочет ее затопить. Я слышал, послезавтра ударят морозы. А в доме сквозняки гуляют. Они тут вконец закоченеют.

– Плитой уже много лет никто не пользовался. – В голосе Мэтта Маккарти явно слышалась некая безапелляционность.

– Однако непохоже, чтобы с ней было что-то не так.

– А вы керосин туда не забыли залить?

– Керосин? – удивилась Изабелла.

– Керосин, – повторил Мэтт Маккарти. – Топливо.

– А разве нужен керосин?

– Надо же, да вы, оказывается, не заправили нашу старушку! – рассмеялся мистер Гранджер. – Ну вы даете! Интересно, а как, по-вашему, она работает? От Святого Духа?

– Не знаю. У меня никогда раньше такой не было. Может, ее надо топить дровами? Углем? Я как-то и не задумывалась, – призналась Изабелла.

Мистер Гранджер по-свойски похлопал Изабеллу по спине, заставив ее попятиться.

– Придется заказать немного керосину. Лучше всего в «Криттенденс». Скажете им, что это срочно. И через день-два они вас заправят. Остальные промурыжат целую неделю.

– А что именно я должна заправить? – поинтересовалась Изабелла, надеясь, что изъясняется достаточно ясно.

– Бак. – И тут Мэтт Маккарти впервые по-настоящему улыбнулся. Хотя открытой его улыбку можно было назвать только с большой натяжкой, что не ускользнуло от внимания Изабеллы. Затем он добавил, уже более дружелюбно: – Бак находится за амбаром. Вам не мешало бы попросить мужа проверить, нет ли там дыр, уж больно он ржавый.

– Спасибо, – сухо ответила она. – Но наша семья – это мы трое.

– Негоже женщине с детьми сидеть без горячей воды. Неправильно. Хорошо хоть камин затопили, и то ладно. – Мистер Гранджер вытер руки и надел шляпу, собираясь уходить.

– Я вам очень признательна. – Изабелла полезла в сумочку за кошельком.

– Бросьте, не думайте об этих глупостях. Увидимся в конце недели, когда вы малость пообвыкнете, – сказал мистер Гранджер. – Я буду в ваших краях, ну и загляну в пятницу утром. Проверю, как вы справляетесь. И привезу вам прицеп дров, если, конечно, сумею проехать с ним по вашему проселку. Чем сильнее вы протопите дом, тем лучше для вас. Его явно не мешает маленько просушить. – Он махнул рукой в сторону видневшихся из окна деревьев. – Сдается мне, в следующем году у вас все будет тип-топ, а? Мэтт. – Кивнув Мэтту, он в сопровождении Китти и Тьерри прошествовал вверх по ступенькам.

И не успел он уйти, как на кухне стало неестественно тихо. Изабелле вдруг сделалось стыдно за весь этот развал, за свой взъерошенный вид. В последнее время она вообще ощущала неловкость в обществе мужчин. словно со смертью Лорана лишилась верхнего слоя кожи.

– Значит, мы соседи, – произнесла она, пытаясь взять себя в руки. – А вы, наверное, живете в том доме, мимо которого мы давеча проезжали. Может, чашечку чая? Я бы предложила вам чего-нибудь покрепче, но, боюсь, мы еще не успели ничем запастись. – (Мэтт покачал головой.) – У нас здесь настоящий бедлам. – Она говорила чересчур быстро, впрочем, как всегда в присутствии слишком самоуверенных людей. – Придется все налаживать мало-помалу. Как вы, наверное, успели заметить, наша семья не самая практичная... Не сомневаюсь, мне еще многому придется учиться. – Изабелла убрала с лица

длинную прядь волос. Она явственно слышала нотки отчаяния в своем голосе.

Мэтт окинул ее тяжелым взглядом.

– Не сомневаюсь, у вас все будет хорошо, – сказал он.

Лора только-только закончила разбирать холодильник в гараже. Она вытерла руки о джинсы и подошла к минивэну мужа. Мэтт вылез из машины и с ходу поцеловал жену в губы, немало ее этим удивив.

– Привет, – сказала она. – Удачный день, да?

– Не совсем, – ответил он. – Но дела потихоньку налаживаются.

Боже, до чего же приятно было снова видеть его улыбку! Лора схватила мужа за ремень и притянула к себе:

– Может, мне удастся еще больше улучшить твоё настроение. Бифштексом на ужин. С моим фирменным перечным соусом.

Он ответил довольным урчанием, буквально опалив ей шею горячим дыханием.

Затем он закрыл дверь минивэна, обнял жену за плечи и прошел вместе с ней к задней двери. Она прижала ладонью лежавшую на ее ключице руку мужа, чтобы продлить сладостное мгновение.

– Тебе пришлось два чека за работы у Пинкертонa. Я их обналичила. Кстати, а ты слышал эту странную музыку? Энтони решил, что лисица попала в капкан.

– Слышал. На самом деле я наведалься к нашим новым соседям.

От неожиданности Лора наступила на хвост их старому псу, он обиженно заскулил.

– Ой, Берни... Неужели ты туда ходил?

– Решил, не будет особого вреда, если я скажу им привет. Как-никак мы все же соседи.

Она ждала привычной колкости, горького изгиба губ. Но, слава богу, обошлось. Даже упоминание о большом доме не вызвало привычного раздражения. Господи, пусть все образуется, мысленно взмолилась Лора. Пусть он примирится с тем, что случилось. Пусть к нему снова вернется его жизнерадостность.

– И очень правильно сделал. Попробую заскочить к ним на этой неделе. – Она улыбнулась с напускной безмятежностью. – Вот что я скажу тебе, Мэтт Маккарти. Как приятно видеть тебя снова улыбающимся. Правда приятно.

Мэтт остановился и поцеловал жену в кончик носа. Губы у него были холодные.

– Я много думал, – сказал он.

Немногие представительницы ее поколения могли похвастаться тем, что вышли замуж именно за того мужчину, которого впервые полюбили, но, как только Изабелла Хейден увидела Лорана Антуана Деланси, она поняла, что встретила своего суженого. Это открытие, посетившее ее во время исполнения «Романса для скрипки с оркестром» Бруха, стало для Изабеллы полной неожиданностью: она не испытывала особого сердечного влечения к бледным занудным юнцам, окружавшим ее в музыкальном колледже. Она даже решила, что, быть может, вообще не станет связывать себя брачными узами, поскольку замужество будет отвлекать от музыки. Но, продираясь через соло, она вдруг вспомнила о серьезном взъерошенном мужчине, с которым накануне вечером ужинала не в кафе, а в самом настоящем ресторане в Ле-Але. Он сказал ей, что его никогда так не трогала музыка, как та, что она исполняла для прохожих перед метро на улице Клинанкур, и она поняла: мифический Тот Единственный, о котором болтали подружки, возможно, действительно существует, и появиться он может неожиданно-негаданно.

Естественно, на их пути стояли препятствия, ведь ни одна хорошая история любви без них не обходится: его бывшая жена, невзрачная актриса, с которой он так до конца и не развелся; ее родители, категорически возражавшие против скоропалительного брака – ведь в свои двадцать лет она была слишком неопытной, слишком импульсивной, – так же как и учителя музыки, опасавшиеся, что домашняя рутина загубит ее талант. Даже викарий сказал, что двенадцатилетняя разница в возрасте и культурная пропасть между французами и англичанами – викарий явно намекал на потенциальных любовниц – может привести к крушению их брака.

Однако Лоран ответил на все наветы недоброжелателей типичным для французов пожатием плеч и еще более бурным приливом страсти к юной девушке с длинными спутанными волосами, при этом Изабелла, в отличие от многих своих сверстниц, обнаружила, что замужество совершенно необязательно ведет к разочарованию, циничному взгляду на вещи и непременным компромиссам. Лоран любил ее. Он любил ее и тогда, когда она засыпала во время завтрака, потому что накануне всю ночь отработывала заключительные такты какой-нибудь сонаты. Он любил ее и тогда, когда приготовленная ею еда в очередной раз оказывалась подгоревшей и безвкусной. Он любил ее и тогда, когда во время прогулок по Примроуз-Хилл она мучила его исполнением отрывков из музыкальных произведений. Он любил ее и тогда, когда она будила его в три утра, чтобы снова почувствовать вкус родных губ и тяжесть родного тела. Он купил ей Гварнери, положил скрипку на подушку в номере отеля, где они занимались любовью в один из уик-эндов; от потрясения у нее перехватило дыхание, а он смеялся. Он любил ее.

Обнаружив после медового месяца, что беременна, она испугалась, поскольку не была уверена в своей готовности позволить новому члену их семьи разрушить любовную идиллию. Однако Лоран признался, что всегда хотел иметь детей, даже в первом браке, и она в знак своей безграничной любви решила сделать ему этот подарок.

Беременность протекала легко, а после рождения Китти она почувствовала такую невероятную нежность, что твердо решила всецело посвятить себя материнству. Ведь материнская любовь – именно то, в чем нуждается ее ребенок. Но как мать она оказалась абсолютно беспомощной: ей не удавалось постичь суть загадочного «режима», о котором

твердила патронажная сестра, она не справлялась с горой грязных распашонок и, в отличие от других матерей, не умела отвлечь ребенка погремушкой. Именно тогда они с Лораном впервые поссорились. Она пребывала в постоянном раздражении, считала себя мученицей, пожертвовавшей всем ради семьи, и винила в этом Лорана.

– Знаешь, а теперь я хочу получить обратно свою жену, – сказал он ей как-то вечером с типично парижским высокомерием, когда она предъявила ему претензии по поводу невымытой посуды, ну и вообще – того, что у нее связаны руки, что она устала и утратила интерес к сексу.

Она швырнула ему в голову радионяню. А на следующее утро, обнаружив отколотый кусок штукатурки, поняла: так больше продолжаться не может.

Лоран ее поддержал:

– Если тебе не прожить без этой твоей музыки, ну ладно, я не против. Ведь именно музыка нас в свое время свела.

И когда она окончательно убедилась, что он говорит серьезно и на нее не в претензии, они нашли Мэри. И, утешившись тем, что так будет лучше для всех, Изабелла передала Мэри с рук на руки свою красавицу-дочку.

А кроме того, Китти оказалась чудесным ребенком. Если бы Китти не любила Мэри, если бы скучала по мамочке, разве она была бы такой улыбчивой? Такой спокойной? Что ж, за все приходится платить. Это главный урок, который Изабелла извлекла из опыта материнства. И ей приходилось глотать обиду, что Китти, ударившись, бежит к Мэри, а не к матери, даже если та стоит рядом, и что Китти делится с отцом своими тайнами и именно с ним обсуждает школьные мероприятия, на которых она, Изабелла, как всегда, отсутствовала. Приходилось испытывать чувство вины, когда она уезжала за тридевять земель на гастроли, оставляя дома больного ребенка, или когда обнаруживала в чемодане жалобные записки: «Мамочка! Я люблю тебя. Я скучаю без тебя». Она тоже скучала по своей семье, и ее терзали муки совести. Но Лоран с Мэри безропотно предоставляли ей возможность быть собой и заниматься любимым делом. И чем старше она становилась, тем отчетливее понимала, что она одна из тех редких счастливиц, которых, в отличие от других женщин, замужество и материнство не лишили возможности творить, а самое главное, не лишили предмета их страстной любви.

Конечно, не всегда было просто. Лорану по-прежнему нравилась ее импульсивность, он прощал ее дикие выходки – когда она неожиданно забирала детей из школы, чтобы покататься с ними на воздушном шаре, или когда била тарелки, потому что ей не нравился цвет, но при этом забывала купить новые. Но у него непременно портилось настроение, если он чувствовал, что перестал полностью занимать ее мысли. И она научилась распознавать первые признаки опасности, как только он начинал говорить, что она слишком увлечена своей дурацкой музыкой, и раздраженно заявлял, что не прочь иногда видеть рядом свою жену. Он всегда догадывался, что она не слушает его, а мысленно репетирует, даже если она и притворялась, будто ей интересны рассказы о том, чем занималась сегодня Китти. Ей хватало ума не отказывать ему в том, в чем он нуждался, а также время от времени вставлять в разговор вопросы относительно его работы в инвестиционном банке, хотя она вообще в этом не разбиралась. Работа Лорана оставалась для нее тайной за семью печатями. Она определенно знала только одно: Лоран зарабатывает достаточно, чтобы оплачивать все ее прихоти и иногда вывозить их отдыхать, если ей удавалось на время забыть о своей скрипке и целиком посвятить себя семье.

Кризис грянул, когда она обнаружила, что снова беременна. Через шесть лет после рождения Китти она ошеломленно смотрела на синюю точку и не верила своим глазам, поскольку совершенно не ожидала ее увидеть и безумно испугалась того, что ждет ее впереди. Нет, она сейчас никак не могла позволить себе завести второго ребенка: она только что получила место первой скрипки в Лондонском симфоническом оркестре, а на весну были запланированы гастролы в Вене и во Флоренции. И вообще, она доказала свою полную неспособность ухаживать за детьми, даже за очень послушными вроде Китти.

И она начала подумывать о том, чтобы скрыть свою беременность от Лорана.

Он отреагировал именно так, как она и ожидала: сперва с восторгом, затем с ужасом – когда узнал о том, что она собирается сделать.

– Но почему?! – возмутился он. – Мы с Мэри избавили тебя от всех забот. А у Китти будет братик или сестричка, она ведь столько раз нас об этом просила.

– Лоран, мы же договорились, – сказала она. – Больше никаких детей. Мне просто не справиться с двумя.

– Тебе даже с одной не пришлось справляться, – отрезал он. – И я отнесся с пониманием. Но ты не можешь лишить меня – лишить нас – этого ребенка, потому что беременность, видишь ли, не предусмотрена в твоём графике гастролей.

И она поняла по его лицу, что спорить бесполезно. Ведь он просил ее о такой малости.

Она никому не призналась в посещавших ее черных мыслях, когда с трудом преодолевала очередной этап беременности, а дата родов надвигалась с ужасающей неотвратимостью. Но Лоран оказался прав: как только Тьерри появился на свет, крепко сжав кулачки, словно в знак протеста против того, что был нежеланным ребенком, она инстинктивно полюбила его не менее страстно, чем в свое время Китти. И с облегчением вздохнула, вернувшись через три месяца на работу.

Изабелла обмотала шею шарфом и зашагала по тропинке в сторону леса, приминая сапогами высокую траву. Впервые за последние несколько недель она была совершенно свободна. Два часа назад она проводила детей в школу. Тьерри, увернувшись от ее поцелуя, побрел прочь, школьная форма неловко топорщилась у него на спине; Китти же со свойственной ей решительностью, не оглядываясь, пошла вперед.

Изабелле давно хотелось от всех отдохнуть – Господь свидетель, ей просто необходимо было побыть одной. И тем не менее она вдруг почувствовала, что ей не хватает детей. Без их шумной толкотни и топота дом казался еще более унылым и мрачным; уже через час она поняла: если срочно чего-нибудь не предпримет, то непременно впадет в меланхолию. Ей даже страшно было подумать о том, чтобы начать распаковывать коробки, не говоря уж о таком сизифовом труде, как уборка дома, а потому она решила отправиться на прогулку. Не зря же Мэри в свое время любила говорить, что хорошая прогулка еще никогда и никому не повредила.

Итак, Изабелла решила срезать путь через лес и пройтись до местного магазина, чтобы была хоть какая-то цель. Купить молока и чего-нибудь попроще на ужин. Она приготовит тушеное мясо, а может, жаркое и накормит после школы детей.

Как ни странно, но в лесу воспоминания о Лоране терзали ее не так сильно. Теперь, почти год спустя, она обнаружила, что способна думать об усопшем муже в контексте того, что в свое время любила, а не того, что, увы, потеряла. Когда-то ей говорили, что печаль никуда не денется, просто со временем с ней станет легче смириться.

Засунув руки в карманы, Изабелла вдыхала запах молодой зелени, рассматривала побеги луковичных растений под деревьями, пыталась определить места, где когда-то были клумбы. Возможно, я разобью сад в память о муже, думала она. Хотя это вряд ли. Копать, рыхлить, обрезать – все это не для ее нежных рук. Садоводство находилось в списке запрещенных для музыкантов вещей.

Она дошла до лесной опушки, оставив озеро слева, и попыталась найти брешь в стене. Отыскала проход и нырнула в него. За оградой природа оказалась еще более дикой, чем возле дома. Она инстинктивно обернулась посмотреть на дом: его темно-красные стены и беспорядочно расположенные окна ответили ей неприветливым, холодным взглядом. Нет, это еще не ее. Еще не родной дом.

Ты не должна так думать, мысленно одернула она себя. Он станет нашим домом, если мы сделаем его таковым. Теперь у них уже была горячая вода, правда за немислимую цену, а в некоторых комнатах – тепло со слабым металлическим запахом. Водопроводчик сказал, что батареи нужно стравить, но Изабелла была обескуражена его покровительственным тоном, а потому не решилась уточнить, что он имеет в виду. Из-за огромной трещины в чугунной ванне мыться им приходилось в жестяной ванне, и Китти каждое утро горько сетовала на это.

Изабелла остановилась, чтобы рассмотреть поближе гигантский древесный гриб, оккупировавший полусгнивший пенёк, затем подняла глаза на хмурое небо, просвечивающее сквозь ветви деревьев. Воздух был перенасыщен влагой, и Изабелла прикрыла рот шарфом, а затем резко выдохнула, чтобы почувствовать ласкающую кожу теплую струю воздуха. Земля под ногами пахла мхом, мокрым деревом и лесной подстилкой, что резко контрастировало с вьёвшимся в стены Испанского дома запахом сырости, заставляющим ее ломать голову над тем, какие именно процессы гниения и распада происходят внутри.

Где-то хрустнула сухая ветка, и Изабелла замерла. В ее воображении типичной городской жительницы мгновенно возник образ маньяка-лесоруба с топором в руках. Затаив дыхание, она осторожно направилась в сторону источника звука.

Буквально в двадцати футах от себя она увидела огромного самца оленя. Тот пристально глядел на нее, вскинув увенчанную ветвистыми рогами голову, а затем пару раз моргнул, выпустив из ноздрей тонкие струйки пара.

Изабеллу настолько зачаровало это зрелище, что она даже не успела испугаться. Она смотрела на оленя во все глаза, не переставая удивляться, как в их плотно застроенной, перенаселенной маленькой стране еще могли сохраниться островки дикой природы, где водятся столь прекрасные животные. Она даже тихо ойкнула, и звук этот разрушил чары. Олень в два прыжка достиг поля.

Изабелла посмотрела ему вслед. И невольно вспомнила отрывок из Симфонии № 3 Диттерса фон Диттерсдорфа «Превращение Актеона в оленя». Животное замедлило бег и остановилось, настороженно поводя головой, а у Изабеллы тем временем в голове фанфарами звучали вступительные арпеджио, символизирующие юного охотника, крадчивое адажио для флейты, передающее журчание ручейка и шепот ветра.

Неожиданно тишину разорвал звук выстрела. Олень рванул с места, увязая копытами в раскисшей земле. Прозвучал еще один выстрел, и Изабелла, спрятавшаяся было за дерево, выскочила на поле и кинулась за оленем, судорожно пытаясь понять, откуда ведется стрельба.

– Прекратите! – крикнула она, шарф сполз у нее со рта. – Эй, вы, там! Прекратите

стрелять! – У Изабеллы застучало в висках. Она кинулась бежать, но земля комьями липла к ногам. – Прекратите! – завизжала она в надежде, что невидимый охотник ее услышит.

Изабелла попыталась носком одного сапога стряхнуть грязь с подошвы другого. Олень, похоже, благополучно скрылся, но она ждала очередного выстрела, и сердце продолжало неистово колотиться.

И вот тогда она увидела мужчину, который, не обращая внимания на грязь, размашисто шагал в ее сторону через поле. Увидела ружье, которое мужчина держал в согнутой руке дулом вниз.

Изабелла развязала шарф, чтобы не мешал говорить.

– Что, скажите на милость, вы тут творите?! – От перенесенного шока она практически перешла на крик.

Мужчина, явно рассерженный ее вмешательством, замедлил шаг. Он выглядел ненамного старше Изабеллы, но был гораздо выше ее ростом. А еще коротко стриженные темные волосы и обветренное лицо человека, привыкшего проводить время на свежем воздухе.

– Стреляю. А что, по-вашему, я тут делаю? – Он явно не ожидал встречи с ней.

Изабелле наконец удалось высвободить ноги из жидкой грязи, но в крови у нее по-прежнему бурлил адреналин.

– Как вы смеете? Вы что, браконьер?

– Браконьер? Ха!

– Я вызову полицию.

– И что, интересно, вы им скажете? Что я пытался отогнать оленя от всходов зерновых?

– Скажу, что вы охотились на моей земле.

– Это не ваша земля. – В его речи слышалась легкая картавость.

– С чего вы взяли?

– Земля принадлежит Мэтту Маккарти. Отсюда до тех деревьев. И у меня есть разрешение делать здесь все, что угодно.

Изабелле показалось, что при этих словах он бросил многозначительный взгляд на ружье.

– Вы что, мне угрожаете? – спросила она.

Он поднял на нее удивленные глаза:

– Угрожаю вам?

– Я категорически против любого оружия рядом с моим домом.

– У меня и в мыслях не было направлять ружье на ваш дом.

– Мой сын ходит по этой тропинке. Вы могли его ранить.

Мужчина удивленно открыл рот, покачал головой, развернулся и, сгорбившись, пошел назад через поле. Изабелле с трудом удалось расслышать его прощальные слова:

– Тогда вам придется научить его не нарушать границ чужой собственности.

Пока она смотрела ему вслед, ей неожиданно вспомнилась последняя часть симфонии фон Диттерсдорфа. На самом деле олень и был тем самым юным охотником: он превратился в дикое животное, когда, бродя по лесу, увидел то, что не следует видеть, и в результате был растерзан собственными собаками.

Асад проверял куриные яйца, брал несколько штук из одной коробки, чтобы заполнить другую. Органические яйца с ближайшей фермы были отличного качества, хотя и покрыты... органическим веществом, которое не слишком нравилось дамам с особо тонкой душевной

организацией. Он отобрал самые неприглядные и уже собрался было пойти отмыть их от пуха и прочего, когда в магазин вошла женщина.

Она на секунду остановилась в дверях, удивленно оглядываясь по сторонам, словно что-то искала. На ней было длинное синее бархатное пальто с измазанным грязью подолом. Семейное сходство подсказало Асаду, кто она такая.

– Миссис Деланси? Прощу прощения, я только уберу вот это, – сказал он и, поймав ее удивленный взгляд, добавил: – Сюда редко заходят случайные посетители. Вы с вашей дочерью очень похожи.

– О, Китти. Ну конечно, конечно.

– Вы в порядке? – запнувшись, спросил он. – Вы выглядите немного... испуганной.

Она поднесла руку к лицу. Прекрасные бледные руки, отметил про себя Асад. Длинные белые пальцы. Она вся дрожала.

– Скажите... – начала она. – А много ли людей в округе имеют ружья?

– Ружья?

– Мне только что угрожали... Ну, не совсем угрожали... Словом, у меня произошла размолвка с вооруженным человеком на частной, как мне казалось, территории.

– Да уж, тут немудрено испугаться.

– Я испытала легкий стресс. Так как не привыкла наталкиваться на людей с ружьями. По правде говоря, прежде мне вообще не доводилось видеть ружье в такой опасной близости.

– А как он выглядел? – поинтересовался Асад и, получив исчерпывающее описание, сказал: – Похоже на Байрона. Бывшего лесничего мистера Поттисворта. Теперь он выполняет кое-какую работу для Мэтта. Но насколько я знаю, у него помповое ружье.

– Мэтт Маккарти. – Переважив полученную информацию, она, похоже, немного расслабилась.

– Я как раз собирался поставить чайник. Уверен, чашечка горячего сладкого чая прекрасно снимет напряжение. Но сперва позвольте представиться. Меня зовут Асад Сулейман.

Она наградила его печальной, нежной улыбкой, в которой читалась благодарность за приглашение. Что ж, внешность у нее, конечно, не типичная, подумал Асад, но она безусловно очень красивая женщина. И еще у нее потрясающие волосы. Чего нельзя не заметить, поскольку сейчас большинство женщин стригут и красят волосы.

– В таком случае чай наверняка меня успокоит. Но мне даже страшно подумать, что где-то поблизости бродит человек с ружьем. И вообще, все довольно запутанно, – сказала она. – Ведь я точно не знаю, где кончается моя земля и начинаются владения мистера Маккарти.

Дарджилинг. Она похожа на девушку Дарджилинг из аниме. Асад протянул ей чашку чая и задумчиво склонил голову набок:

– Почему вы не попросили вашего поверенного показать вам документы на право собственности?

– А разве он мне покажет?

– Полагаю, что да.

– Большое вам спасибо. К сожалению, я совершенно не разбираюсь в подобных вещах. У меня раньше не было опыта... землевладения.

Они сидели в расслабляющей тишине, потягивая чай. Асад украдкой поглядывал в ее сторону, пытаясь запомнить некоторые подробности, которых непременно будет от него требовать Генри. Одета весьма экстравагантно – правда, если не брать в расчет пальто,

все в приглушенных коричневато-зеленоватых тонах, которые так любят местные дамы. Бледные тонкие руки. Асад без труда мог представить, как эти руки перебирают струны какого-нибудь волшебного инструмента. Длинные спутанные волосы, стянутые небрежным узлом, – полная противоположность аккуратному каре ее дочери. Глаза, которые она постоянно отводит; их опущенные уголки свидетельствуют о затаенной печали.

– Вот уж не ожидала такого увидеть, – нарушила она молчание.

– Вы о чем?

– О вашем магазине. У вас есть все, что я люблю. Пармская ветчина! Сладкий картофель... Мне казалось, в сельских магазинах, где сплошные ящики с яблоками да резиновый сыр, хозяйничают толстые женщины средних лет. А не высокие... – Она смутилась и замолчала.

– Чернокожие мужчины, – закончил он за нее. – На самом деле я сомалиец.

– А как вы здесь очутились? – Она покраснела, вероятно решив, что совершила бестактность. – Простите. За последнее время я совершенно отвыкла от светских бесед.

– Ничего страшного. Я приехал в Лондон в шестидесятых. Встретил Генри, своего партнера, и, как только появилась такая возможность, мы удрали из города. А здесь тихая, размеренная жизнь... Это очень полезно для моего здоровья. Астма, понимаете ли, – объяснил он.

– Да, здесь безусловно тихо.

– А как вы справляетесь, миссис Деланси? В таком-то огромном доме?

Он пошарил рукой под прилавком, достал жестяную коробку с печеньем и протянул посетительнице. Она не стала отказываться.

– Изабелла. Справляемся понемножку. Правда, медленно. Горячая вода и тепло, – слава богу, хоть это есть. У нас впереди еще столько дел, что голова кругом идет. У меня отложены кое-какие деньги, но я даже не представляла себе, во что мы ввязались. Во что я ввязалась, – поправилась она. – Последний раз, когда я была здесь, дом выглядел совсем по-другому.

Ему хотелось ей все объяснить, предупредить, что ее присутствие может быть неприятно не только местному лесничему и что остерегаться следует в первую очередь вовсе не человека с ружьем. Но она выглядела такой ранимой, такой незащищенной, и он решил не усугублять ее горести. Тем более что утверждать наверняка он ничего не мог.

– А ты так ничего и не заметил.

Мэтт оторвал взгляд от кружки с пивом и заглянул в чуть раскосые зеленые глаза Терезы. Она была так близко, что он чувствовал аромат ее духов, пробивавшийся сквозь запахи кухни и пива.

– Чего именно не заметил?

– Что во мне кое-что изменилось. – Она откинулась назад, положив руки с ярко накрашенными ногтями на стойку бара.

У игрового автомата неподалеку громко вопили двое парней в тренировочных костюмах.

– Ты сделала маникюр?

– Нет! – задорно блеснула она глазами.

На ней был фиолетовый кружевной бюстгальтер, который, когда она наклонялась, виднелся в глубоком декольте.

– Попробуй еще раз, – сказала она, и его взгляд заскользил по ее телу, в чем она, впрочем, и не сомневалась. – Ну что ты на меня пялишься?! – прикинулась она

оскорбленной.

– А если мне хочется? – невозмутимо спросил Мэтт.

– Ну, давай же, – не сдавалась Тереза.

Мэтт отлично понимал, что вывел ее из себя. Тереза для него – точно открытая книга. Всегда была.

– Ты похудела.

– Ты мне льстишь.

– Новая губная помада.

– Не-а.

Он залпом осушил кружку:

– Ну, тогда не знаю. Все эти игры не по мне.

Их взгляды встретились. «Ой ли?» – говорили ее зеленые глаза, и он вспомнил, как неделей раньше она извивалась под тяжестью его тела в своей спальне. Мэтт почувствовал некоторое напряжение в паху и бросил взгляд на часы. Он обещал Лоре вернуться к семи тридцати.

– Мэтт!

Резко развернувшись, Мэтт увидел Байрона, взгромоздившегося на соседний табурет.

– Ну, ты как? По пивку? – спросил Мэтт. Байрон кивнул, и Мэтт махнул рукой Терезе. – «Стеллу», пожалуйста.

– Ты что, сдаешься? – надулась Тереза.

– Неужто нельзя дать человеку спокойно попить пива?! – рассердился Мэтт и, отвернувшись от Байрона, добавил: – Ладно, сдаюсь. Если честно, то я, грешным делом, и запамятовал, в чем был вопрос.

– Мои волосы, – объяснила она, оторвав руку от насоса. – Я сделала мелирование. Посмотри. – Тереза поставила кружку на стойку, наклонила голову и взъерошила волосы, показав ему осветленные пряди.

– Мило, – небрежно бросил Мэтт, а когда Тереза отошла, выкатил глаза на Байрона, словно желая посетовать на непредсказуемость женщин. – Все в порядке? – поинтересовался он.

– Неплохо, – сделав глоток пива, отозвался Байрон. – Я опрыскал загоны в низине. Пока не уверен в качестве почвы, но, по-моему, она вполне ничего. Может, это даже к лучшему, что ее не стали распахивать.

– Класс. Для меня это все пустой звук, но Лора будет довольна.

– А еще в лощину между рощей и тропой для наездников повадились олени. Я видел сегодня одного самца, а вчера еще нескольких. Ну, выстрелил пару раз, чтобы их спугнуть, но они непременно вернутся.

– Только этого нам не хватало. Они обглодают саженцы. Приглядывай за ними.

– Ваша новая соседка наорала на меня из-за того, что я, дескать, пугаю животных.

– Да неужели?

– Фактически обвинила меня, что я в нее целился. – Байрон явно чувствовал себя неловко. – Ну, я не знаю, может, она захочет раздуть скандал. Может, надо было ей сказать, что ружье помповое.

Мэтт буквально покатился с хохоту:

– Господи, благослови детей и зверей! А еще горожанок. Небось, хочет спасти всех наших Бэмби, не так ли? Грандиозно! – воскликнул Мэтт и, бросив взгляд в сторону

направляющейся к ним Терезы, продолжил: – Когда в следующий раз увидишь ее, скажи, что мы организуем заказник специально для нее. Пусть живет себе на здоровье с кроликами и оленями со всей округи, а мы будем бросать ей птичек – ворон и скворцов, – чтобы не померла с голоду. Станет у нас Белоснежкой в натуре. – (Байрон натянуто улыбнулся, он явно не привык к таким шуткам.) – Я тебе вот что скажу. Мы потом еще обмозгуем условия твоей работы на меня на постоянной основе... Сдается мне, что на будущий год у нас будет куча возни с землей Поттисворта, и лишний работник точно не помешает. Ты, пожалуй, будешь вдвое здоровее моего парня. Понимаю, это дело не совсем для лесничего, но что скажешь?

Байрон покраснел, и Мэтт догадался, что его собеседник обеспокоен отсутствием работы гораздо сильнее, чем хочет показать. А с учетом той темной истории ему, Мэтту, это только на руку, ведь Байрон вряд ли станет загигать цену. Поттисворт наверняка платил ему сущие гроши.

– Это... было бы неплохо, – ответил Байрон.

Поймав взгляд Терезы, Мэтт беспечно подмигнул ей. Что ж, он позвонит Лоре и скажет, что задержится. Не пропадать же такому вечеру! Тем более что настроение у него было отличное.

Как вы сами, наверное, видите, здесь необходим косметический ремонт, но вы вкладываете деньги в то, что имеет большой потенциал. Район, насколько вам должно быть известно, становится все более востребованным. – Николас Трент ободряюще улыбнулся стоявшей рядом молодой женщине, которая задумчиво созерцала трещину, словно после разряда молнии, идущую по стене от оконной рамы. – Это можно заштукатурить, – поймав ее взгляд, добавил Николас. – Всего-навсего усадочная деформация. Ничего такого, чего не сможет устранить хороший мастер.

Сверившись с описанием, она что-то пробормотала своему спутнику. А затем спросила:

– А где третья спальня? Мы видели только две.

– Третья спальня. – Николас распахнул дверь и принялся шарить в поисках выключателя.

– И вы называете это спальней? – удивился спутник молодой женщины. – Здесь же нет окон.

Тут Николасу было нечем крыть. В прежние времена это можно было охарактеризовать как большой чулан.

– Совсем крошечная, – удивилась женщина.

– Да, комната экономичного размера, – согласился Николас. Площадь тускло освещенного помещения составляла примерно шесть футов на четыре, не больше. – Но если честно, мисс Блум, в домах этой категории недвижимости не часто встречается третья спальня. Обычно бывают только две. По-моему, очень даже удачный вариант, поскольку здесь можно поставить компьютер или устроить кабинет, где естественное освещение вовсе не обязательно. Ну что, перейдем к осмотру кухни?

Несмотря на скромные размеры квартиры, на показ оставшихся помещений у него ушло целых двадцать минут, в течение которых Николас Трент на все лады превозносил преимущества компактного жилья, хотя внутренний голос твердил ему совершенно обратное. Отвратительная квартира, хотелось сказать ему. Под окнами автомагистраль, внизу, на расстоянии лестничного пролета, – трубопровод, а в обоих концах улицы, где стоит дом, – по наркопритону. Наверняка дом медленно, но верно проседает, по стенам, не оклеенным виниловыми обоями, ползет сырость, и вообще в квартире нет изюминки. Она уродливая, плохо приспособленная для жизни, с отвратительной планировкой и в принципе не стоит даже трети запрашиваемой цены.

И тем не менее вариант отнюдь не безнадежный. Он знал, что уже к концу дня пара сделает встречное предложение, причем, скорее всего, их цена будет не настолько ниже исходной, чтобы сделать переговоры бессмысленными. Вот такие дела. Недвижимость, еще пять лет назад не стоившую ни гроша, теперь расхватывают, как горячие пирожки, люди, готовые брать в долг такие суммы, от которых у него кружилась голова.

Вы что, уже забыли о той трещине? – хотелось ему спросить. Вы разве не знаете, чем для вас чреват кредит под залог такой недвижимости?

– А у вас много желающих посмотреть квартиру? – спросил Николаса спутник молодой женщины.

– Сегодня днем еще двое, – небрежно выдал Николас стандартный ответ.

– Мы с вами свяжемся, – протянул ему руку молодой человек.

Николас пожал ее с чувством не свойственной ему благодарности. В наше время люди

не часто обмениваются рукопожатиями, особенно с агентом по недвижимости.

– Не беспокойтесь, – сказал он. – Если эта квартира уйдет, мы подыщем вам что-нибудь получше. – Николас видел, что покупатель ему не верит. Он даже слегка нахмурился, словно пытаясь понять, не является ли это некой профессиональной уловкой. Вот что делает с риелторами наш бизнес, грустно подумал Николас. Превращает нас в подозрительных типов. – Я хочу сказать, что в любом случае решать вам.

– Мы с вами свяжемся, – повторил покупатель.

Николас выпустил молодых людей из квартиры и проводил их глазами. Они шли, опустив голову, явно представляя свою будущую жизнь в новом доме...

– Твоя жена звонила, – сообщила Шарлотта с набитым чем-то похожим на мюсли ртом. – Прости, бывшая жена, – жизнерадостно уточнила она, протягивая ему листок бумаги. – Не хотелось произносить это вслух. Звучит не слишком-то прилично.

Да уж, звучало действительно не слишком прилично. Отнюдь не то слово, которое человеку приятно слышать применительно к себе. Бывший муж. Облажавшийся муж. Человек, который облажался. Николас засунул листок в карман брюк.

В офисе вовсю кипела работа. Дерек, менеджер отдела жилой недвижимости, стоял, прислонившись к своему столу с телефоном в руке. Пол, агент по недвижимости, составлял новые инструкции для отдела продаж. Женщина средних лет, периодически чихая в носовой платок, беседовала с агентом по сдаче внаем. Николас закрыл за собой стеклянную дверь, и уличный шум мгновенно затих.

– Ой, и звонил какой-то Майк – хотел пригласить тебя на обед. Сказал, вы знакомы тысячу лет. Я сообщила про твою жену, так как он был не в курсе, а он велел передать, что ему очень жаль.

Николас сел за стол. На самоклеящемся листке для записок было написано: «Пожалуйста, позвони миссис Барр. Она не слишком довольна последним отчетом».

– Какой-то Майк?

– Сказал, что живет в Норфолке. Там замечательно.

– А где именно в Норфолке?

– Ну, я не знаю. Везде, полагаю.

Покупатели отказались от Дрю-Хаус, уже готовому к продаже.

П-та, срочно позвони мистеру Хеннеси.

Он закрыл глаза.

Кевин Тирелл хочет перенести показ Арбор-роу, 46. Говорит, не хочет, чтобы посторонние мешали смотреть футбол.

Придется позвонить всем четверым покупателям, встречу с которыми он запланировал на этот вечер. Всем им дать отбой. Ну разве мы можем мешать Кевину смотреть футбол?

– Он говорил, будто был на твоей свадьбе. Звучит грандиозно, Ник. Ты никогда не рассказывал, что бракосочетание проходило в Доддингтон-Маноре.

– Николас, – сказал он. – Меня зовут Николас.

– Николас. Вот уж не знала, что твоя жена из такой богатой семьи. Прости, бывшая

жена. Да ты, оказывается, темная лошадка. Наверняка в следующий раз скажешь нам, что живешь на Итон-сквер. – Ее хихиканье прервал телефонный звонок.

Итон-сквер. Когда-то он подумывал о том, чтобы купить там недвижимость. Это было в начале 1980-х, незадолго до последнего бума на рынке недвижимости, когда в Лондоне еще было полным-полно убогих домов, обветшавших за десятилетия сдачи внаем. Словом, мест, созревших для модернизации и роскошного высотного строительства. Он навсегда запомнил ту квартиру, несмотря на множество квартир, которые осматрел как девелопер, потому что там был бальный зал. Апартаменты на Итон-сквер с настоящим бальным залом. Но тогда он отказался от проекта, поскольку счел его не слишком прибыльным.

Он был одержим воспоминаниями о домах, которые в свое время не купил, о прибылях, которые из-за недостатка смелости упустил.

Он вздохнул. Пора звонить миссис Барр. *Вот уж точно несчастный кролик.*

– Ник.

На его стол облокотился Дерек, и Николас положил трубку на место. У этого человека никакого понятия о личном пространстве. Он наклоняется к тебе так близко, что по одному запаху можно понять не только то, чем он завтракал, но и то, какой маркой порошка стирает белье. Николас сразу же натянул на лицо маску равнодушной готовности:

– Дерек.

– Звонили из головного офиса. Мы не выполняем план. Мы на двести восемьдесят тысяч фунтов отстаем по коммисионным от «Палмерс энд Грин». Что не есть хорошо. – (Николас ждал.) – Необходимо улучшить наши позиции в рейтинге. Даже «Тоттенхэм ист» нас опережает.

– При всем моем уважении, Дерек, должен заметить, что на этой неделе я заключил уже четыре сделки. – Николас старался говорить сдержанно. – Я бы сказал, что по любым меркам это очень даже неплохо.

– При нынешнем состоянии рынка такие сделки заключил бы даже одноногий слепоглухонемой. Ник, недвижимость уходит буквально из-под носа. словно ей приделали ноги. Мы должны достичь большего, продавать более качественную недвижимость, увеличивать маржу. И активнее продавать. Ты вроде считаешься тут крупным дилером. Ну и когда ты начнешь оправдывать свою репутацию?

– Дерек, ты не хуже меня знаешь, что сорок процентов недвижимости, которой мы занимаемся, бывшие муниципальные дома. Поэтому и цена, и маржа будут другими.

– Интересно, и кто тогда получит оставшиеся шестьдесят процентов? «Джексонс»? «Тредуэлл Моррисон»? «ХоумСерч»? Вот кто. Мы должны зубами вырывать их долю на рынке, Ник, грести под себя всю эту недвижимость. Мы хотим, чтобы таблички «Харрингтон истейтс» разрастались в этом городе, как чертовы грибы. – Дерек трагически вскинул руки, продемонстрировав взмокшие подмышки. И вот так, с поднятыми руками, он обошел офис, точь-в-точь как воинственный павиан, подумал Николас. Затем Дерек вернулся и положил растопыренные ладони на стол: – Какие встречи у тебя назначены на сегодня?

Николас открыл ежедневник:

– Ну, мне еще надо разобраться с парочкой звонков, но показы Арбор-роу пока отложены.

– Угу. Шарлотта мне уже доложила. Знаешь что, Ник? Тебе не мешает выбраться на улицу. Наскрести новых клиентов.

– Я что-то не совсем тебя понимаю.

Дерек нашарил сзади себя стопку глянцевого бумажек:

– Тогда отправляйся распространять рекламные листовки. На перспективных улицах. Лорел-авеню, Арнольд-роуд, ну и там, возле школы. Я только-только получил их из печати. Посмотрим, может, хоть так удастся что-нибудь наварить. – И с этими словами он шлепнул бумажки на стол Николаса.

Николас увидел краешком глаза, что Пол усмехается в телефонную трубку.

– Ты что, хочешь, чтобы я просовывал листовки людям под дверь?!

– Ну, у Пола и Гэри дел непростоворот. А ты сам говорил, что у тебя на сегодня не назначено никаких встреч. Какой смысл платить какому-нибудь юнцу-стажеру, если он все равно выкинет половину листовок на помойку и преспокойненько свалит себе играть на бильярде? Нет, Ник. – Дерек похлопал Николаса по спине. – Ты человек основательный. И я могу быть уверен, что ты сделаешь работу на совесть. – Он направился было к своему столу, в очередной раз победно вскинув руки, но остановился и небрежно бросил: – Кстати, тебе вовсе не повредит скинуть парочку фунтов. Ты мне потом еще спасибо скажешь.

Если бы не вся эта история с рекламными листовками, оглядываясь назад, думал Николас, он вряд ли принял бы приглашение Майка Тодда на тот субботний обед. После ухода Дианы его светская жизнь практически сошла на нет, отчасти потому, что приглашения принимала Диана – она всегда была более общительной, – но в основном потому, что ему не хотелось рассказывать о своих изменившихся обстоятельствах людям из прошлой жизни. Он научился узнавать этот полный жалости взгляд, когда собеседник в конце концов понимал, как низко пал бедняга Николас. В глазах женщин сквозило нечто вроде сочувствия, они незаметно косились на его поредевшие волосы; в глазах мужчин он видел замешательство, желание поскорее отойти подальше, словно его невезение могло быть заразным.

Николас не хуже других понимал, что за эти четыре года, прошедшие после банкротства, он здорово сдал; многие еще помнили его костюм с Сэвил-роу, навороченную «ауди», удивительное обаяние. Стальной характер. Теперь же перед ними был уже не тот цветущий бизнесмен, привыкший отдыхать на Женевском озере или Мальдивах, а поседевший от стрессов потрепанный мужчина средних лет, который трудился переговорщиком в захудалом агентстве недвижимости в депрессивном районе города.

– Значит, все же решил принять приглашение? – спросила Шарлотта, когда он положил трубку. – Тебе не помешает немного развеяться.

Подбородок у нее был в шоколаде, но Николас сделал вид, что не заметил.

Ну вот, похоже, он сам себя загнал в угол, и теперь придется расплачиваться. Во время обеда он уж точно не сможет отвертеться и избежать вопросов о своей жизни. Ведь не будет ни музыки, ни экрана с движущейся картинкой – словом, ничего такого, что даст возможность просто помолчать. И уже проехав полпути по шоссе М2, он снова задался вопросом, зачем, ради всего святого, он согласился.

Но затем Николас вспомнил вечер четверга, убитый на хождение по загаженным улицам, унылый лязг почтовых ящиков, подозрительное подергивание посеревших тюлевых занавесок, лай расвирепевших собак, когда он подсовывал под двери листовки. Дождь медленно, но верно пропитывал влагой его когда-то элегантный шерстяной костюм. Вот она, суровая правда о том, кем он стал в свои сорок девять лет и во что превратилась его жизнь. В бесконечную унылую череду разочарований и унижений.

Берегись! (лат.) – Здесь и далее примеч. перев.

Старушка (*фр.*).